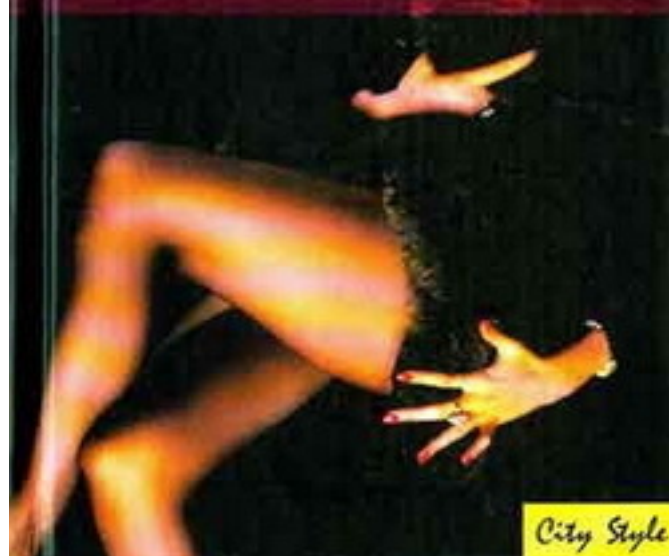

МЭРИ ЛИНН
БАКСТЕР

СЛАДКОЕ
ВОЗМЕЗДИЕ

Роман

City Style

Мэри Бакстер
Сладкое возмездие

1994

Бакстер М. Л.

Сладкое возмездие / М. Л. Бакстер — 1994

Кто поверит, что под маской бесстрастного судьи холодная, гордая Кейт Колсон скрывает боль и одиночество женщины, сердце которой много лет назад разбил циничный плейбой?! Но теперь наконец пришло время отомстить, и Кейт, намеренная «стереть обидчика с лица земли», нанимает частного детектива Сойера Брока. Она и предположить не могла, что в этом жестком крутом парне встретила не только верного друга и союзника, но и **НАСТОЯЩЕГО МУЖЧИНУ**. Мужчину, хорошо знающего, как пробудить в женщине подлинную **СТРАСТЬ**.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	46
Глава 11	49
Глава 12	53
Глава 13	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Мэри Линн Бакстер

Сладкое возмездие

Глава 1

Остин, штат Техас. Весна 1993 года

Кейт Колсон резко отодвинула от себя недопитую чашку кофе, чуть не поперхнувшись последним глотком. Хотя кофе был неплохой – она только что сама приготовила его.

Спокойствие сменилось панической дрожью, но отменить назначенную встречу она не могла. Как бы тяжело и унизительно это ни было, как бы ни угрожало ее карьере, она должна была найти ответ на вопрос, который годами преследовал ее день и ночь.

Кейт встала и вышла из-за стола. Взгляд ее невольно остановился на табличке «Судья Кейт Колсон». Она недоверчиво уставилась на нее, словно впервые видела. Так не раз уже бывало с тех пор, как ее назначили на эту должность.

Похожа ли она на судью? Сегодня, во всяком случае, нет. Отразилось ли на ее лице душевное смятение? Нет. Панику она сумела обуздать. Без всякого зеркала Кейт знала, что она тщательно подкрашена, волосы аккуратно убраны двумя гребнями, а светло-сиреневый костюм и немногочисленные украшения отличаются неброской элегантностью.

Оставив дальнейшие попытки изучить себя со стороны, она схватила сумочку и отправилась на встречу с Сойером Броком.

– Рад вас видеть, мисс Колсон. Присаживайтесь, пожалуйста.

– Благодарю, – произнесла Кейт тоном, как ей казалось, твердым и холодным и опустилась на стул.

– Разрешите предложить вам кофе?

– Спасибо, нет – я только что пила.

– Не возражаете, если я налью себе?

Кейт заставила себя улыбнуться.

– Конечно, пожалуйста.

– Кстати, примите поздравления с новым назначением. По-моему, вы просто созданы для этой работы.

– Благодарю вас.

Он на мгновение задержал на ней свой взгляд, собираясь сказать что-то еще, но передумал и занялся кофеваркой.

Кейт глубоко вздохнула, пытаясь овладеть собой. Она оценила обстановку взглядом судьи. Хрустальные пепельницы, персидские ковры. Фарфоровые статуэтки. За подозрительным изяществом интерьера угадывался крутой нрав владельца сысканого бюро. Она поудобнее устроилась в кресле, а Сойер направился к своему столу, не спуская с нее глаз.

Она чувствовала себя неудобно. Не только из-за обстановки, но и из-за этого человека с его пронизывающим взглядом. Кейт ожидала увидеть частного детектива с носом картошкой, в измятом плаще такого же отвратительного цвета, как и его прокуренные зубы. Сойер абсолютно не подходил под это описание. Он не был красавцем; черты его были резкими и грубоватыми; темные волосы, припорошенные сединой, – слишком густые и длинные. Но, как ни странно, эти недостатки его не портили.

Было в нем что-то такое, что привлекало ее, и она быстро поняла, что именно. Несмотря на костюм, явно сшитый на заказ и прекрасно сидевший на его высокой мускулистой фигуре,

было очевидно, что он чувствовал бы себя свободнее на открытом воздухе в джинсах и сапогах, чем при галстук да еще в железобетонном здании офиса.

Но было и еще кое-что. Под внешним хладнокровием угадывалась опасная мощь. Даже когда он просто подносил к губам чашку с кофе, в этом движении чувствовалась необузданная сила. Этот тип людей был ей знаком очень хорошо; она выросла среди мальчишек, предпочитавших во всех случаях использовать кулаки вместо мозгов. Что до Сойера Брока, она вынуждена была признать, что он использовал и то и другое; в противном случае ему не удалось бы стать владельцем одного из лучших сыскных агентств в Техасе. Сойер Брок был человеком, с которым надо было считаться и обмануть которого было делом нелегким.

– Итак, чем я могу вам помочь? – спросил он.

– Харлен Мур сказал, что вы лучший в своем деле.

– Ах, Харлен. – Сойер своей огромной ладонью захватил чашку, поднес к губам и отпил глоток. – Он что, ваш приятель?

– Ну, я знаю его по работе.

– Понятно.

– Он говорит правду? Вы действительно лучший?

Сойер поставил чашку на стол.

– Вообще говоря, такое мнение существует.

Скромность также не входила в число его достоинств, решила Кейт, но скромность – это одно, а талант – совсем другое. Ведь ей как раз нужен человек, уверенный в своих силах.

– Я полагаю, вы также умеете сохранять конфиденциальность, – добавила она, прервав затянувшуюся паузу.

– Приходится, иначе долго не проживешь.

Кейт уловила нотки нетерпения в его тоне, но не смутилась. Она перевела взгляд на книжный шкаф и несколько мгновений рассматривала чучело рыбы на одной из полок.

– Итак, повторяю, чем же я могу быть вам полезен?

– Я хочу, чтобы вы разыскали кое-кого – одну девушку.

Сойер поднял брови:

– Сколько времени она отсутствует?

– Она отсутствует совсем не в том смысле, что вы имеете в виду. Ей девятнадцать лет, и я хочу знать ее местонахождение. – Кейт положила ногу на ногу, но тут же приняла прежнюю позу. – Она появилась на свет в госпитале в Нью-Браунфелсе; позже ее удочерили или по крайней мере я думаю, что удочерили.

– Продолжайте.

– Пожалуй, это все.

Сойер потер подбородок.

– Я хороший сыщик, мисс Колсон, действительно хороший. Но не до такой степени. Если я должен кого-то разыскать, мне необходимо значительно больше информации.

Кейт подвинулась ближе к столу:

– Просмотрите, пожалуйста, эту папку, и если вы не сможете или не захотите взяться за расследование, я пойму.

– Конечно, я возьмусь за него, хотя бы потому, что этого хотел бы Харлен. – Он потянулся через стол, взял папку, раскрыл ее, бегло просмотрел содержимое и вновь поднял глаза на Кейт:

– Негусто. Есть ли какая-нибудь конкретная причина, по которой не указаны имена родителей?

– Это не относится к делу.

– Не относится? Здесь вы не правы. Я...

– Поверьте мне, это так, – перебила его Кейт, бросив взгляд на свои часы. – Мне скоро надо быть в суде. – Она сделала паузу и прокашлялась. – Когда вы ознакомитесь с предоставленной информацией, вам станет ясно, что ее достаточно, чтобы приступить к расследованию.

Сойер был далеко не убежден в этом, но пока воздержался от возражений. Он бросил папку на стол и скрестил руки на груди.

– Зачем вы хотите разыскать эту девушку? На этот вопрос вы можете мне ответить?

Кейт вздернула подбородок и, делая все от нее зависящее, чтобы голос ее звучал спокойно и рассудительно, ответила:

– Не важно зачем. Вам нужно просто найти ее, вот и все.

– Слушаюсь, мэм, – ответил Сойер насмешливо.

У Кейт порозовели щеки, но она не отступила.

– Не знаю, как у вас пойдут дела, но вот вам аванс. – Она вытащила из сумочки пачку банкнот и придвинула к нему. – Если этого недостаточно... – Она чуть понизила голос.

Он отодвинул деньги назад. Их руки почти соприкоснулись. Кейт отдернула свою.

– Я пришлю вам счет, – сказал он.

– Вы уверены, что наличные не понадобятся? – спросила она, убирая деньги в сумочку.

– Уверен.

Кейт улыбнулась, но в глазах не было и тени улыбки.

– Жду от вас известий.

– Положитесь на меня.

Она повернулась и направилась к двери. Его слова заставили ее остановиться:

– Не беспокойтесь, ваша честь, я найду ее. Но я не могу обещать, что у меня не будет больше вопросов, на которые вам скорее всего не захочется отвечать.

Кейт вцепилась в дверную ручку мертвой хваткой. Но она уже овладела собой, когда обернулась к нему.

– Делайте свое дело. Вот все, о чем я прошу.

Ей удалось каким-то образом добраться до машины. Только там она перевела дыхание. Ее сердце стучало, как кузнечный молот.

Она открыла ящик Пандоры, и никогда уже ее жизнь не будет прежней.

Брок разглядывал фотографию Кейт Колсон в ее деле. Черта с два ей нужно было спешить в суд. Он и на секунду не поверил этой отговорке. Ей просто не терпелось унести ноги из его конторы. Он постучал авторучкой по краю фотокарточки и нахмурился.

Судья Колсон – его клиентка? С трудом верилось, что человек с ее положением обращается в частное сыскное агентство за помощью. Более того, все это чертовски подозрительно. Ему была хорошо известна репутация этой Колсон – неугомимого и деятельного юриста, а в настоящее время жесткого окружного судьи. Видел он и ее выступления по телевидению. Кто же их не видел! День, когда ей предложили занять неожиданно открывшуюся вакансию, в Остине запомнят надолго. Еще бы – все газеты трубили об этом беспрецедентном случае: такой пост в тридцать пять лет! Он в свои сорок тоже немало добился, но до Кейт Колсон ему далеко.

Тряхнув шевелюрой, Сойер поднялся и подошел к окну, откуда открывался превосходный вид на городской парк, расположенный прямо через улицу. Он любил наблюдать в окно за играющими в парке детьми – это успокаивало и помогало собраться с мыслями.

Весна в Хилл-Кантри была в разгаре. Из выходящего на запад окна его кабинета, расположенного на последнем этаже, виднелись далекие холмы, поросшие деревьями и пестревшие полянами полевых цветов, таких же, как и в парке под его окнами.

Он обернулся к столу. Вид папки с материалами дела, порученного ему Кейт Колсон, заставил его нахмуриться. Его ждала работа – не только это досье, но и масса других дел.

В последнее время ему было трудно сосредоточиться, чего раньше за ним не водилось. Профессиональная деятельность всегда доставляла ему удовольствие. Работа означала, что он никогда не останется без куска хлеба, никогда не будет нуждаться, как в былые годы. Призрак нищеты неотступно преследовал его, заставляя постоянно искать возможности для расширения дела. Но сейчас он медлил, как будто и не было этого постоянного наваждения.

Раздался стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, в кабинет вошел Ральф Хатсон.

– Джейн сказала, что ты здесь.

Сойер круто обернулся. Ральф был его помощником и правой рукой. Приходилось признать, что только благодаря Ральфу агентство работало как хорошо отлаженный механизм.

Внешность Ральфа не относилась к числу его достоинств. Густая грива цвета ржавчины и россыпи веснушек по всему лицу слишком бросались в глаза. А если еще учесть, что он был худой как жердь... Но стоило послушать его минуту, и любой забывал обо всем этом и обнаруживал в нем быстрый ум и крепкую деловую хватку.

– Ты уже увяз по уши? – спросил, ухмыляясь, Ральф.

Сойер скривил рот и жестом пригласил Ральфа подойти поближе.

– Если ты про работу, то нет.

– В это трудно поверить, – сказал Ральф, подходя к столу, где лежала папка Кейт Колсон. – Ты просматриваешь досье судьи, а это работа.

Сойер сел за стол и откинулся на спинку стула.

– Это все, что я успел сделать.

– И что ты думаешь?

– О чем?

Ральф фыркнул.

– Со мной этот номер не пройдет. Ты прекрасно понимаешь, что я говорю о судье. Она только что ушла, так?

– Так, – ответил Сойер.

Ральф поддернул брюки и уселся на край стола.

– Итак, зачем ей понадобились наши услуги?

– Она хочет, чтобы я разыскал одного человека, который пропал девятнадцать лет назад.

Ральф скорчил гримасу.

– Такого оборота я не ожидал. Я думал, это как-то связано с выборами.

– Я только просмотрел информацию, которую она мне предоставила, и сказал бы, что сведения крайне скудны.

– Не понимаю. Если она тебя нанимает, к чему такая скрытность?

– Ты прав. Но она очень спешила выбраться отсюда и вдобавок сильно нервничала.

– Это было так заметно?

– Еще как.

– Значит, ты думаешь, что наша добропорядочная судья что-то скрывает?

– Нутром чую, что да.

– М-м-м, – протянул Ральф, – это действительно интересно.

Сойер промолчал.

– Признайся, на телеэкране она хоть куда.

– Согласен, – отозвался Сойер, – я как раз вчера вечером видел ее по телевизору.

Конечно, если бы не предстоящая встреча, он вряд ли обратил бы на нее внимание. Скорее всего он бы просто пропустил мимо ушей всю эту болтовню про особу в судейской мантии. Женщины типа Кейт Колсон были ему не по нраву.

– Значит, у тебя уже сложилось определенное мнение.

– Вполне. – Сойер не стал скрывать. – По-моему, в ледяной глыбе и то больше чувства.

Ральф рассмеялся.

Сойер ответил ему циничной ухмылкой. Он предпочитал женщин чувственных и покладистых. При личном знакомстве с Кейт Колсон у него создалось впечатление, что этими качествами она не обладает.

– Но согласись, выглядит она потрясающе. – Ральф прищурился, разглядывая фотографию. – А в жизни она так же хороша?

– Даже лучше, – ответил Сойер, вспоминая хрупкую фигуру, кожу нежную, как у младенца, роскошные светлые волосы, элегантный костюм и грациозную походку.

– М-м-м, как раз в моем вкусе.

Сойер нахмурился:

– Она холодна и расчетлива. Да и как иначе, если уж она влезла в политику.

– Не забудь про Харлена. Ведь это он прислал ее. А мы оба знаем, что он часто играет не по правилам.

Сойеру нечего было возразить. Но если клиента рекомендовал Харлен Мур, Сойер всегда брался за дело без проволочек. Ральф нарушил молчание:

– Ну, могу только повторить: что бы там ни было у нее на уме, дело может оказаться интересным.

– Да, пожалуй. – Сойер закрыл папку и отложил ее в сторону.

– Между прочим, ты никогда не догадаешься, кто дожидается тебя в приемной. Особа, еще более высокопоставленная, чем госпожа судья.

Сойер поднял брови:

– И кто же это?

– Сенатор Дэн Хемсли.

– Ему-то что здесь надо?

– Ну, понимаешь, я наткнулся на Харлена с сенатором в здании суда. Пока сенатор отлучался позвонить, Харлен вкратце ввел меня в курс дела. Естественно, он хочет, чтобы ты лично помог сенатору в одном... деле.

– Какого рода?

Ральф поколебался, затем отвел глаза:

– Что-то семейное.

– Черт возьми, Харлен знает, что я не берусь за такие дела.

– Я пытался ему объяснить. – Ральф помолчал и пожал плечами. – Но ты лучше других знаешь, что мои слова для него мало значат.

– Какая у сенатора проблема? Конкретно. Его что, застукали без штанов?

– Представь себе – нет. Вроде бы попался вовсе не он, а его жена, и сенатор прекрасно понимает, что если газетчики пронюхают об этом, он будет в дерьме по уши.

– Радужная перспектива, – с мрачным юмором сказал Сойер.

Ральф усмехнулся:

– Я знал, что тебя позабавит эта история.

– Но не до такой степени, как тебя, верно?

– Верно. Мне никогда не нравился этот вертлявый сукин сын. Слишком развязный и слишком высокого мнения о себе.

– Назови мне хоть одного политика, который был бы о себе невысокого мнения. Что о нем еще известно, кроме того, что он не может удовлетворить свою жену?

– Ну, ведет кампанию по своему переизбранию, работает в финансово-бюджетной комиссии, а также в комитете по защите прав приемных детей.

У Сойера округлились глаза.

– Я же тебе говорю, этот сенатор – сама добродетель! – подытожил Ральф.

– Слышу, слышу. Но в конце концов он может быть нам полезен в деле Колсон. Давай-ка пригласи его.

Через несколько секунд сенатор Хемсли уже ворвался в кабинет, протягивая руку для рукопожатия.

Сойер был поражен его эффектной внешностью, однако после ближайшего рассмотрения сделал вывод, что этот смазливый пай-мальчик доверия не заслуживает. Он был высок, темно-волос, а его бронзовый загар бесспорно свидетельствовал о регулярном посещении солярия.

Однако во взгляде его сквозила неуверенность. Светлые глаза казались затуманенными. Если бы Сойер мог читать в них, он понял бы, что они переполнены ужасом.

Сойер протянул сенатору руку.

– Я чрезвычайно признателен, что вы смогли выкроить для меня время. – Губы Хемсли растянулись в искусственной улыбке.

«Не прикидывайся, – подумал Сойер с нарастающим презрением. – Ты был уверен, что я приму тебя».

Он холодно улыбнулся в ответ и сказал:

– Нет проблем.

– Вы не пожалеете об этом. Если вы поможете мне с этим дельцем, я в долгу не останусь.

– Присаживайтесь, сенатор.

– Спасибо, Брок.

Сенатор и судья в один день, подумал Сойер. Кому-то показалось бы, что все складывается замечательно. Однако Сойер понимал, что от обоих его клиентов можно ожидать больше неприятностей, чем выгод.

Глава 2

Фор-Корнерс, штат Техас. 1975 год

Томас Дженнингс, согнувшись, как вопросительный знак, подглядывал в крошечное отверстие в стене.

– Вот это да! Эй, Джексон, не хочешь полюбоваться? – Он воровато оглянулся, опасаясь, что в дверях мужской раздевалки может появиться завуч, Джим Андерсон.

Уэйд Джексон, мусоля во рту сигарету, укоризненно протянул:

– Ну, чем ты занимаешься?

Томас ухмыльнулся:

– Смотрю на голых девок.

Томас и Уэйд прогуливали английский. Но прежде чем убежать из школы, они завернули в мужскую раздевалку, где Томас пару дней назад обнаружил щель в стене одной из кабинок уборной. Он несколько раз возвращался сюда, но до сих пор похвастать было нечем. Зато сегодня ему наконец привалила удача.

Уэйд разинул рот.

– Врешь ты все. – Он оттолкнул Томаса в сторону. – Дай-ка глянуть.

В вонючей кабинке наступила тишина. Уэйд вглядывался в узкую щель, сквозь которую был виден угол женской раздевалки.

– Ух ты! Ничего себе!

– Отвали, – потребовал Томас, – я ее первый засек.

– Если тебя самого тут засекут, Андерсон тебе такую взбучку устроит, что ты о девчонках и думать забудешь.

– Ох как страшно! – хорохорился Томас. – Что он мне сделает?

– Тебе, может, и ничего, у тебя папаша – священник, а мне мало не покажется. Если мы влипнем, мои предки с меня шкуру спустят за такие дела.

– Да что ты хвост поджал? Всего боишься. Ничего нам не будет.

– Ну-ну. – Уэйд не спускал глаз с двери.

– Нет, ты видел, какие сиськи?

Уэйд глубоко затянулся сигаретой.

– Мне лично задница больше приглянулась.

Томас ослабился:

– Лакомый кусочек, ничего не скажешь. У меня от одного вида в штанах шевелится. Я-то думал, что у Кейт Колсон только и есть что башка на плечах.

– Вот именно. – Уэйд облизнул пересохшие губы. – Ошибочка вышла. Хотел бы я ее потискать.

– Размечтался! Кейт Колсон в твою сторону и смотреть не станет.

– Тебе, можно подумать, что-нибудь обломится!

Правильные черты Томаса застыли.

– Спорим?

– Еще чего! – Уэйд выплюнул окурок на цементный пол и растер стоптанным башмаком. – Ясное дело, ты на все пойдешь, лишь бы выиграть.

Томас загородил щель спиной.

– Да, девка бесподобная.

– Чего заслоняешь? Дай-ка еще посмотреть.

– Тебе-то зачем? – Томас не скрывал издевки. – У тебя кишка тонка.

Уэйд никогда не гулял с девушками. Томас подозревал, что приятель просто стесняется своей внешности: уши у него торчали как лопухи, и скрыть их не могли даже длинные волосы.

Джексон заскрипел зубами:

– С чего ты взял?

– Тогда тебе придется подождать, пока я с ней побалуюсь, – процедил Томас.

Уэйд не сразу нашелся что ответить.

– Скотина ты, Дженнингс.

– Жалко уходить от такого представления, но лучше убраться, пока не поздно. Странно, что до сих пор сюда никто не сунулся.

– Ты и в самом деле что-то задумал?

– Вот увидишь. – Томас похотливо ухмыльнулся, но не двинулся с места.

Уэйд переминался с ноги на ногу.

– Да пойдем же, пошевеливайся.

– Не гони волну, ладно?

Уэйд трясущимися руками достал вторую сигарету и закурил.

– Черт бы тебя подрал, Дженнингс.

– Ну, давай, давай. Вот умница девочка. – Томас словно забыл о его существовании.

– Что там еще?

От волнения Томас потерял осторожность и повысил голос:

– Труссы снимает!

Из женской раздевалки доносились смешки. Кейт старалась не замечать столпившихся вокруг нее смазливых девчонок из группы поддержки школьной спортивной команды. Она прижимала к груди полотенце, пытаясь прикрыть свою наготу.

Смешки стали издевательскими.

– Что ты жмешься, Кейти, – дразнил самый визгливый голос. – Покажись-ка во всей красе!

– Уймись, Дороти, – вмешалась Энджи.

– А ты не суйся не в свое дело, Энджи Стрикленд.

Кейт вспыхнула. Как всегда, она была мишенью насмешек.

Но Энджи впервые оказалась свидетельницей ее позора.

Когда же настанет конец этим унижениям и травле, пронеслось в голове у Кейт. Она еле сдерживалась, чтобы не разразиться бранью и не кинуться на обидчиц, но понимала, что ее сопротивление только подольет масла в огонь. Кейт нашла глазами Энджи, плотно сжавшую губы. Энджи была ее единственной подругой, хотя разительно отличалась от нее не только внешностью, но и характером. Кейт была рослой и худой, ее светлые волосы свободно падали на спину, а миниатюрная Энджи выделялась своей смуглой кожей и рыжевато-каштановыми коротко стриженными волосами. Кейт всегда вела себя спокойно и сдержанно, а Энджи – дерзко и шумно. При этом обе они хорошо учились, много читали, увлекались плаванием и собирали фотографии киноартистов.

– Никак ты стыдишься, что у тебя такие... пышные формы? – измывалась теперь уже другая девчонка.

Кейт не успела ответить, как кто-то выхватил у нее полотенце. Она вскрикнула и попыталась прикрыться руками. Энджи бросила ей свое полотенце.

– А ну отстаньте, – потребовала она и добавила, обращаясь к Кейт: – Плюнь на них. Им просто завидно, особенно Люси: сама-то плоская, как сковорода.

Кейт видела жалость в глазах Энджи и готова была провалиться сквозь землю. Она сгорбилась и вздернула подбородок: гордость не позволяла ей распускаться ни перед лучшей подругой, ни перед этими мерзавками.

Однако на нее сыпались все новые колкости.

– Давай отойдем в сторонку. Надо одеваться. Что с них взять, с чокнутых, – прошептала Энджи.

Они отошли в дальний угол, хорошо просматривавшийся из отверстия в стене. Кейт, не поднимая головы, принялась натягивать одежду, но не могла совладать с собой: руки тряслись так, что она порвала и без того штопанный чулок.

Сама того не замечая, она всхлинула. Энджи выпрямилась и пристально посмотрела на нее:

– Ну хочешь, я им врежу?

Кейт слабо улыбнулась:

– Мне бы надо самой это сделать, да духу не хватает.

– Найдется и на них управа, вот увидишь.

Стены раздевалки сотряс новый взрыв хохота. Кейт и Энджи оглянулись. Обидчицы не успокоились. Кейт словно окаменела, что есть сил сдерживаясь, чтобы не разрыдаться. Ей никак не удавалось подвернуть пятку чулка так, чтобы скрыть дырки. Содрогаясь, она натянула протертый джемпер, бесформенную вытянутую юбку и мятое пальтецо. Ненавистные обноски. Когда ей случалось украдкой пронести к себе в комнату модный журнал, она жадно разглядывала шикарные платья, мысленно примеряя их на себя.

По одежке Кейт можно было судить о том, как жила ее семья. Родители прозябали в бедности, да к тому же были крайне суровы, в особенности отец. Он женился на матери по необходимости: Кейт слышала, как во время семейного скандала они попрекали друг друга прошлыми грехами. Отец не упускал случая вернуть, что не позволит дочке превратиться в такую же гулящую, как ее мать.

Озлобленность Эммитта подогревалась страстью к выпивке. Во хмелю он горланил и буйствовал. Жена ни в чем ему не перечила. Наверное, так оно и лучше, рассуждала Кейт, а то еще начнет давать волю рукам.

– Пойдем отсюда, – сказала Энджи, когда обе они оделись.

Кейт сглотнула слезы и последовала за ней. Несмотря на яркое солнце, день был прохладный. Кейт остановилась и набрала полные легкие бодрящего воздуха.

– Ты, похоже, опоздала на автобус, – заметила Энджи. – Давай я тебя подвезу.

– Нет, мне неудобно.

– Да брось ты, какая ерунда! Пошли.

Кейт больше не возражала. Она совершенно обессилела. Вдобавок ей, по совести говоря, всегда было приятно прокатиться с Энджи на стареньком «камаро». Сама она о машине и мечтать не смела.

Кейт понимала, что завидовать грешно, но ничего не могла с собой поделать. Мать Энджи, Роберта, была медсестрой в окружной больнице и прилично зарабатывала. Она души не чаяла в своей дочери, которая, как и Кейт, росла единственным ребенком. Роберта выбивалась из сил, лишь бы Энджи не страдала из-за того, что отец бросил их, сбежав с другой женщиной.

Кейт как-то попробовала высказать Энджи свое сочувствие, но та наотрез отказалась говорить об отце, и больше они к этому не возвращались.

Видит Бог, она и сама о многом не хотела ни с кем говорить, и в первую очередь о собственных родителях.

– Слушай, может, заедем к нам? – предложила Энджи по пути к стоянке. – Мама принесла мне выкройку и купила материал на мини-юбку. Я хочу, чтобы ты посмотрела.

Кейт не обиделась, когда Энджи заговорила про обновки. Она знала, что подруга не хотела ее уязвить. Энджи уважала ее самолюбие и никогда не подчеркивала разницу в их положении, общаясь с ней на равных.

Со вздохом Кейт произнесла:

– Я бы с радостью, но мне надо домой, помогать маме.

Вдруг тишину прорезал оглушительный свист. Девочки вздрогнули. Кейт оглянулась и увидела, что их нагоняют Томас Дженнингс и Уэйд Джексон.

– Еще не хватало, – вполголоса сказала Кейт, – это Томас, а с ним... как его?..

– Уэйд, – подсказала Энджи, – хореk вертлявый, видеть его не могу.

– Я тоже. Тем более что он зубы не чистит, – подхватила Кейт.

– Это точно. Он на английском сидит за мной. Как я ни обернусь, он вечно скалится. В переднем зубе дырка, а в ней еда застревает.

– Фу, гадость какая.

Энджи хихикнула:

– Да уж, с Томасом не сравнить!

Мальчишки явно направлялись к ним.

– Куда торопимся? – спросил Томас с усмешкой.

Кейт молчала. При виде Томаса у нее отнимался язык, а коленки становились как ватные.

– Домой, – коротко отозвалась Энджи.

– Может, лучше прогуляемся? Мы вас кока-колой угостим. – Томас ткнул Уэйда локтем в бок. – Верно я говорю?

– Э-э-э... ну... ясное дело, угостим.

Ответила снова Энджи:

– Нет, спасибо. Нам некогда.

– Слушай, Кейт, – сказал вдруг Томас, – а ты что молчишь? Язык проглотила?

– Я, к сожалению, тоже спешу, – прошептала она пересохшими губами.

Не обращая внимания на Энджи, Томас подмигнул:

– Может, в другой раз, а?

– Хорошо, – выдавила Кейт.

Когда мальчишки отошли, Кейт повернулась к Энджи, словно не веря себе:

– Вот это да!

– А что такого? – как ни в чем не бывало спросила Энджи.

– Будто ты не понимаешь!

Энджи вытаращила глаза:

– Ты на радостях не забыла, что торопишься домой? Садись в машину.

Небольшой фермерский городок Фор-Корнерс лежал в девятнадцати милях от Остина, в гористом районе Хилл-Кантри. Он был ничем не примечателен, но местные жители все же гордились своими угодьями да еще новой бензоколонкой с бакалейной лавкой, построенной на обочине проселочной дороги.

«Камаро» приближался к ферме, где жила Кейт. В машине надрывалось радио. Подруги молчали, думая о своем.

Энджи свернула на проселочную дорогу. Музыка резко смолкла, и диктор объявил: «Последние новости агентства Ассошиэйтед Ньюс. Девятнадцатилетняя Патриция Херст, внучка покойного газетного магната Уильяма Рэндолафа Херста, была похищена из своей квартиры в Беркли, штат Калифорния».

– Вот ужас-то! – Кейт выпрямилась на сиденье и вся обратилась в слух. Она знала, что учитель истории завтра непременно спросит об этом случае, потому что он всегда интересовался текущими событиями.

У Энджи по спине пробежали мурашки:

– Бр-р-р... Жутко представить, что такое могло бы произойти и с нами.

– Не говори, – отозвалась Кейт и замолчала. У нее не выходил из головы Томас Дженнингс. Сердце ее снова забилося сильнее. – Энджи...

– А?

– Скажи, тебе что, не нравится Томас?

Энджи неотрывно смотрела на дорогу, но Кейт заметила, что ее пальцы крепче сжали руль.

– Ну почему же, парень как парень, – с напускным равнодушием ответила она, потом повернулась к Кейт и широко улыбнулась: – Только считает, что все девчонки от него без ума.

Кейт тоже улыбнулась в ответ:

– Но ведь так и есть, правда?

– Может, и правда.

Обе рассмеялись.

– Мне не померещилось, что он мне подмигнул? – спросила Кейт.

– Нет, это точно. Я тоже заметила.

– С чего бы это? Он со мной за все время двух слов не сказал.

– Разве поймешь, что у них на уме?

– Я мечтаю, чтобы он пригласил меня на свидание, – вырвалось у Кейт.

Ей казалось, что это любовь на всю жизнь. Он был самым красивым, самым умным, самым популярным из старшеклассников. В свои семнадцать лет (Кейт была на год моложе) он выглядел значительно старше других. Его лицо, безупречное, как у артиста, обрамляли густые черные волосы. Он напоминал Элвиса Пресли и давно смущал ее покой. Высокий, стройный, он улыбался так, что у девчонок захватывало дух. Сплетницы болтали, что от такой улыбки трусики падают сами собой. Кейт сгорала от ревности, хотя ни за что не призналась бы себе, что мечтает о Томасе. Она намеревалась сохранить девственность до замужества. Но во сне ей грезилось другое.

– Сдается мне, что это только начало. – Энджи нарушила затянувшуюся паузу. – Интересно, что он затеял?

– Сама не знаю, – уныло ответила Кейт. – Я всегда считала, что он положил глаз на Салли, не зря же он назначил ее главной в группе поддержки.

– Стерва, каких мало. Если бы у нее была голова на плечах, она бы многим сумела кровь попортить.

– При такой фигуре голова не нужна.

– А что в ней особенного? – вспыхнула Энджи. – Плоская, как блин. Сегодня в раздевалке я ей чуть в волосы не вцепилась.

Кейт закусила предательски задрожавшую губу.

– Спасибо, что вступилась за меня. Не знаю, как бы я...

– Ну-ну. – Энджи не дала ей договорить. – Еще не хватало благодарностей. Ты бы поступила точно так же.

– Возможно, только едва ли представится такой случай.

Вместо ответа Энджи пожала плечами. Остаток пути они проехали в молчании.

– Высади меня здесь, – попросила Кейт. – Дальше я пешком.

– Точно?

Кейт отвела глаза:

– Конечно. Погода чудесная, я с удовольствием пройду.

Энджи нахмурилась. Кейт прочла недоверие в ее взгляде, но боялась в этом признаться. Отец не разрешал ей водиться с Энджи, и Кейт не хотела лишний раз его злить. Жизнь приучила ее к осторожности.

– Спасибо, что подвезла. – Кейт старалась, чтобы ее улыбка получилась безмятежной. – До завтра!

– Спроси у мамы, может, она позволит тебе завтра приехать к нам с ночевкой, – предложила Энджи.

Кейт насупилась:

– Спрошу, конечно, только...

– Я все понимаю. Но ты попробуй.

– Ты же знаешь моего отца.

– Ну ладно, пока! – Энджи помахала ей на прощание.

Кейт поплотнее запахнулась в ветхое пальтишко и поплелась по грязной дороге, которую развезло от затяжных дождей. Перешагивая через лужи, она пыталась думать про Томаса Дженнинга и про его улыбку, но у нее ничего не получалось. Каждый шаг приближал ее к нищете и убожеству родительского крова. Она ненавидела возвращаться домой и стыдилась этой ненависти.

Перед глазами то и дело возникало лицо Томаса. Теперь она приказала себе гнать прочь эти фантазии. Время для них еще не настало. Надо будет извлечь их из тайников души поздно вечером, когда отец утомится и домашние дела будут наконец переделаны.

Входя в калитку, Кейт услышала в доме шум, от которого у нее сердце ушло в пятки. Нет, нет, только не это, заклинала она, стремглав взбегая по шатким ступеням.

Она распахнула дверь и увидела, как увесистый кулак отца врезался в мамину челюсть.

– Мамочка! – закричала Кейт.

Глава 3

Кейт не могла пошевелиться. Она видела, что отец снова, заносит кулак, чтобы обрушить его на другую скулу Мейвис Колсон.

– Мамочка! – снова вскрикнула Кейт.

Эммитт Колсон замер, потом обернулся:

– Пошла вон, не то и тебе достанется.

– Папа... прошу тебя... – Кейт содрогалась от рыданий. – Не бей маму.

Мейвис Колсон затравленно посмотрела на дочь.

– Делай, что папа сказал... Иди же, – прокрипела она.

Но Кейт чувствовала, что ноги не слушаются ее. Сердце готово было выскочить из груди. Она не могла отвести взгляда от кровоподтека на материнском лице.

– Слушай, что мать говорит! – взревел Эммитт, шагнув к дочери. Кейт показалось, что это сам дьявол.

Она бросилась прочь и не останавливаясь побежала к сараю. Только в холодном полумраке она опомнилась. С глухим рыданием Кейт зарылась в душистое сено и свернулась калачиком. Казалось, все чувства в ней умерли, осталась только боль.

– Как я их ненавижу, – твердила она, – ненавижу обоих. Чтоб они провалились.

Она боялась, что Бог покарает ее за такие слова, и, подняв голову, без слов взмолилась о прощении.

Сколько раз она находила утешение в этом закутке. Сарай служил ей убежищем уже семь лет.

Однажды, семь лет назад, Кейт проснулась среди ночи и услышала, как отец орет на маму. Она прокралась по узкому коридору и заглянула в приоткрытую дверь родительской спальни в тот самый миг, когда жестокий удар рассек губу матери. Они с Кейт закричали в один голос. Эммитт бросился к двери, сгреб дочь в охапку и прохрипел:

– Если еще хоть раз вздумаешь подглядывать, я из тебя всю душу вытрясу, поняла?

– Да... папа... – Слезы душили ее и жгли лицо.

Он отшвырнул ее, как мешок с мусором, и повернулся к жене.

В ту минуту Кейт поняла, что детство кончилось.

Все последующие годы она придумывала, как сделать, чтобы отец не смел больше поднимать руку на маму. Она воображала, как ночью крадется на цыпочках к ним в спальню, откуда доносится звериный храп, и обрушивает на голову отца бейсбольную биту. Однако такие жестокие мысли посещали ее редко. Чаще она представляла, как привязывает его веревками к кровати, чтобы они с матерью могли беспрепятственно уехать отсюда навсегда.

Но ее слишком страшило возмездие, поэтому дело не шло дальше коварных замыслов.

Вот и теперь она всем телом ощущала знакомый холодный ужас. Что она могла поделать? Невыносимо видеть эти побои. Сейчас она вернется в дом и заслонит собой маму.

«Врешь, никогда ты на это не отважишься», – сказала она себе и снова разрыдалась. Она просто трусила, видя злобу отца, и становилась сама себе отвратительна.

Значит, избиения начались снова. В последние годы Эммитт было присмирел и не раз говорил, что встал на путь истинный.

Он бросил пить. Когда в деревенской церкви шла служба, он непременно сидел на передней скамье и требовал, чтобы жена и дочь были рядом. И все же Кейт знала, что в глубине души он остался прежним: угрюмым, холодным, чужим. Вся разница заключалась в том, что теперь он вечерами просиживал над Библией, а не над бутылкой.

Почему же он снова сорвался? Разозлился из-за денег? Повздорил со священником? Все может быть. Но одно Кейт знала точно: мать стала слишком слаба; если он опять возьмется за старое, она долго не протянет. Прямо хоть сдавай его шерифу. А что, это мысль, подумалось ей.

Надо бы с кем-то посоветоваться, но кому доверить свое горе? Никто не поймет, даже Энджи. И потом, это так унижительно. Самолюбие никогда не позволило бы ей выдать семейную тайну.

Конечно, все кругом догадывались, и в первую очередь Энджи с матерью. Опухшее от слез лицо Кейт, загнанный взгляд, старые латанные платья выдавали беду дома Колсонов. В выразительных глазах Энджи нередко читался немой вопрос, но она никогда не требовала у Кейт объяснений.

Боже праведный, как же быть? Кейт зарылась поглубже в пахучее сено, сотрясаясь от рыданий. Она не находила ответа.

– Кейт, ты тут? – донеслось до нее.

Рыдания застряли у нее в горле. Она подняла голову и несколько раз моргнула, чтобы прогнать слезы. Наверное, послышалось. Ведь мать сейчас, должно быть, лежит в постели с мокрым полотенцем на разбитом лице. К тому же она никогда прежде не выходила разыскивать Кейт.

– Кейт, где же ты?

Ошибки быть не могло. Кейт хотела выпрямиться, но движения давались ей с трудом. От слез она обессилела.

– Я здесь, мама, – отозвалась она.

Кейт заставила себя подняться на ноги, откинула мокрые пряди волос и вытерла слезы.

– Как ты, девочка? – спросила Мейвис.

Кейт не ответила. Она вглядывалась в лицо матери. Даже в полумраке сарая на щеке отчетливо виднелся багровый кровоподтек. Тусклые седые волосы, стянутые в узел на затылке, и поблекшее лицо с мелкими заострившимися чертами делали ее похожей на птицу. Кейт ростом пошла в отца. От матери она унаследовала только темно-карие глаза и большую грудь.

– Я за тобой, дочка. Ужин готов.

Кейт покачнулась. «Мама, неужели это все, что ты можешь мне сказать?» – подумала она, а вслух спросила:

– А где... он?

– В церкви, – равнодушно ответила мать. – Ну, пойдем. Ноги их увязали в грязи, где копались облезлые куры. Мать с дочерью шли в молчании, не произнося слов утешения, не касаясь друг друга. Кейт била дрожь, но не от вечернего холода, а от подступившего отчаяния.

Когда они вошли в дом, отчаяние переросло в решимость. Дом стал еще мрачнее. Кейт словно со стороны увидела эти неприветливые стены. Угасающие лучи солнца пробивались сквозь засаленные занавески на давно не мытых окнах. Из кушетки торчали клочья ваты. Линолеум на полу протерся и давно потерял свой цвет. Ее комната была ничуть не лучше, хотя она и пыталась как-то украсить ее, покупая всякие мелочи на деньги, заработанные присмотром за соседскими детьми.

С каждым годом рубленый деревянный дом ветшал и приходил в упадок. Вместо того чтобы вести хозяйство на ферме, Эммитт целыми днями просиживал над Библией, надеясь на чудо Господне.

Пока отец не бросил пить, мать брала на дом стирать и гладить белье. Но «встав на путь истинный», он запретил ей работать, ссылаясь на то, что Библия предписывает добывать хлеб насущный отцу семейства, хотя сам пальцем о палец не ударил, чтобы прокормить семью.

Кейт ненавидела и этот дом, и свою жизнь.

– Иди мой руки. Я тебе дам поесть. – Голос Мейвис звучал без всякого выражения.

– Мама, я хочу у тебя кое-что спросить.

– Сейчас не время, дочка. Беги руки мыть.

Кейт чуть не закричала от бессилия. Она вышла и через пару минут вернулась в кухню, старательно помыв лицо и руки, но не избавившись от ощущения какой-то грязи.

– Скажи, почему отец снова тебя бил? Ведь такого уже давно не случилось.

– Тебе этого не понять. – Мейвис стояла у плиты спиной к Кейт, помешивая варево в чугунном котелке.

– Мама, – прошу тебя!

– Он добрый человек. Ему просто... приходится нелегко.

– Если я когда-нибудь выйду замуж, – сказала Кейт с яростным блеском в глазах, – мой муж не станет так со мной обращаться. Пусть только попробует – я... я его убью.

Жестокие слова Кейт поразили Мейвис. Она обернулась и в упор посмотрела на дочь:

– Кейт Колсон, не смей так говорить. Господь тебя покарает.

Наверное, уже покарал, подумалось Кейт.

– Твой папа, он... он любит меня. Помни об этом. И тебя он тоже любит.

Кейт тяжело опустилась на стул.

– Нет, мама, не обманывай себя. Он негодяй.

– Нельзя говорить так об отце. – Она снова повернулась к плите. – Ты многого не понимаешь.

Кейт сжала кулаки.

– Мама, я уже не маленькая, мне шестнадцать лет. Скажи мне правду.

– Ты еще ребенок.

Кейт захотелось схватить мать за плечи и встряхнуть, но она сдержалась.

Мейвис дрожащей рукой поправила шпильку.

– На ферме дела идут из рук вон плохо, а папа гордый, ты сама знаешь.

– Я не припомню, чтобы у нас когда-нибудь дела шли хорошо. – В глазах Кейт блеснул гнев. – Мне ненавистна эта нищета. Все, кроме Энджи, надо мной смеются. – У нее задрожали губы. – Мне даже краситься не позволено.

Горечь в материнском взгляде не могла ее остановить. Все, что годами копилось у нее в душе, выплеснулось наружу.

– Посмотри, как я одета. В этом тряпье, в длиннющих юбках я как старая ведьма.

– Ты у меня красавица. – Мейвис подошла к дочери и положила руку ей на плечо, а потом в порыве нежности поцеловала в светловолосую макушку.

– Мама, давай уедем, чтобы он больше не смел тебя трогать. – Кейт давно хотела это сказать, но отчужденность матери удерживала ее.

– Бросить отца? Нет, на это я не пойду. Да и куда нам ехать? На что жить?

– Поживем первое время у тети Милли в Айдахо. – Глаза Кейт горели надеждой. – Я найду работу, ты тоже. Как-нибудь сведем концы с концами.

– Нет, отца я не брошу, – повторила Мейвис, и Кейт услышала прежнюю отчужденность. – Я училась в восьмом классе, понимаешь? Твой отец вытащил меня из убогого приюта и взял в жены.

«Так-то оно так, только это нужно было тебе, а не ему», – подумала Кейт, но вслух ничего не сказала. Мать никогда не рассказывала о своем прошлом: ей было стыдно.

– Пока он не начал пить, – продолжала Мейвис, – он был другим. Теперь он встал на путь истинный и снова будет добрым.

– Мама, но он за всю свою жизнь ни дня не работал.

– Откуда тебе знать? – высокомерно спросила Мейвис. – Да он годами... творил добро.

Кейт сникла и прикусила язык, чтобы не наговорить дерзостей. Она никогда не спорила с матерью, боясь отцовского гнева. Горький опыт подсказывал, что спорить с ней бесполезно. Мать никогда не уйдет от него. Вот и все.

– У нас сегодня котлеты с фасолью, папино любимое блюдо.

Кейт чуть было не вспылила, но сдержалась. Мейвис наполнила ее тарелку и присела напротив.

– Мама, – решила Кейт, не притрагиваясь к еде, – Энджи пригласила меня на завтра к себе с ночевкой. Я знаю... папа не очень-то...

Мейвис жестом остановила ее, изобразив подобие улыбки. Кейт была благодарна ей даже за эту малость.

– Поезжай, доченька, – сказала Мейвис, – под мою ответственность.

– А вдруг папа...

Мейвис снова не дала ей договорить:

– Он пойдет в церковь. Он... то есть мы... хотим начать все сначала. Он будет в хорошем расположении духа.

Кейт терзалась сомнениями. Ей безумно хотелось отправиться к Энджи, но страшно было подумать, что сделает отец, если узнает.

Словно чувствуя ее нерешительность, Мейвис сказала более уверенно:

– Обещаю тебе, все будет в порядке. Вот увидишь.

– Ой, мама, – выдохнула Кейт.

– Ну, кушай, дочка, а потом прими ванну и берись за уроки.

Кейт посмотрела на то, что дала ей мать. Бесформенный кусок мяса плавал в бурой, комковатой жиже. Ее чуть не стошнило. Отодвинув тарелку, она извинилась:

– Не сердись, мама, что-то есть совсем не хочется.

Мейвис стояла, прислонясь к кухонному шкафу.

– Ну что ж, тогда отправляйся к себе.

Кейт встревожилась. Мать выглядела такой бледной, слабой и жалкой, что Кейт отвела глаза. Наконец она поднялась из-за стола и пробормотала:

– Прости, мамочка.

Кейт ворочалась на своем топчане, чувствуя, как пружины впиваются ей в спину. Но и на пуховой перине ей было бы не уснуть. Она уставилась в потолок широко раскрытыми глазами, и сердце ее наполнилось страхом.

– Боже милостивый, если ты меня слышишь, – шептала она в темноту, не сдерживая слез, – если ты меня прощаешь, помоги моей маме, молю тебя. И мне... тоже помоги.

Глава 4

Кейт прыгнула со ступеньки школьного автобуса и увидела Томаса. Он стоял, привалившись к вековому дубу. Заметив Кейт, он отделился от узловатого ствола и пошел ей навстречу. Она подумала, что никогда еще не видела его таким прекрасным.

Не может быть, чтобы он дожидался именно ее. У Кейт пересохло во рту. Она огляделась, но поблизости больше никого не было. Словно не замечая его, Кейт шла вдоль дорожки по направлению к школьной столовой, где по утрам они встречались с Энджи.

Томас преградил ей путь. Кейт резко остановилась и потупилась, не решаясь взглянуть ему в лицо. Она была совершенно разбита после вчерашних событий. Хотя она вымыла голову и отгладила юбку, это никого не могло обмануть. Под глазами у нее пролегли черные круги, а бледные губы сами собой сжались в тонкую линию. Да еще эти гадкие обноски...

– Привет, – сказал он.

Кейт подняла голову и робко посмотрела на Томаса. В тот день он надел стильные расклешенные джинсы и белую рубашку с синей отделкой у ворота. Его волосы, чуть длинноватые на висках, слегка растрепались на ветру.

Она открыла рот, чтобы поздороваться, но, к своему ужасу, не смогла выдать ни звука.

– Куда направляешься? – спросил он, улыбаясь еще шире, уверенный в собственной неотразимости.

– Вон туда. – Она махнула рукой в сторону столовой. – Там меня Энджи ждет.

Его глаза сузились.

– Вас, я вижу, водой не разольешь.

– Она моя лучшая подруга.

Казалось, он обдумывал ее ответ, но решил переменить тему:

– Ты с кем-нибудь встречаешься?

– Ну... в общем... нет, – заикаясь, призналась Кейт, не веря своим ушам.

– Вот и отлично. Может, сходим куда-нибудь? В киношку, например?

– Что-что?

Улыбка Томаса стала еще более самоуверенной.

– Кончай притворяться. Я же знаю, что ты глухотой не страдаешь.

– Конечно, – робко подтвердила Кейт.

– Ну так как, ты согласна? – настаивал он.

Кейт только кивнула, боясь, что у нее от волнения перехватит голос. Неужели все это наяву? Самый популярный мальчик во всей школе обратил внимание на такого гадкого утенка, как она.

– Ты что, не в себе? – Томас проявлял нетерпение, но по-прежнему лучился улыбкой и не сводил взгляда с Кейт, бесцеремонно обшаривая глазами ее фигуру, будто сбрасывая с нее ветхую одежду. Ее бросило в краску от незнакомого ощущения: соски превратились в твердые камешки.

– Да нет... все нормально... я не против.

– Тогда в субботу, идет?

– Хорошо. – Его лицо неодолимо притягивало ее взгляд.

– Считай, что тебе повезло, – сказал он. – Мой папаша раскошелится на новую машину мне ко дню рождения. Ты первая в нее сядешь.

Кейт восторженно переспросила:

– Новая машина? Вот здорово! Какая?

– «Мустанг», черный как вороново крыло.

– Под цвет твоих волос, – выпалила Кейт неожиданно для самой себя.

– Вот и мать то же самое мне сказала.

Несмотря на его благодушный ответ, Кейт проклинала себя за несдержанность. Томас еще подумает, что она с ним заигрывает. Мысли ее заметались. Ну и пусть, все равно она благодарна судьбе за каждую минуту, проведенную рядом с ним. Ей бы хотелось, чтобы это счастье длилось вечно. Но она уже знала, что вечно длится только горе.

– Так я заеду в семь вечера, договорились?

Кейт ужаснулась. Если он приедет к ней домой, она сгорит со стыда.

– Я буду у Энджи, – выпалила она первое, что пришло в голову, – заезжай за мной туда. Она думала, что он откажется, но он только пожал плечами:

– Мне в принципе все равно.

– Ну что ж... тогда до завтра.

– Пока.

Он повернулся и пошел назад. Кейт не могла опомниться. Она не заметила, как рядом с ней возникла Энджи.

– Неужели это был наш единственный и неповторимый Томас Дженнингс?

– Он самый, – едва слышно ответила Кейт.

– И что ему надо? – поинтересовалась Энджи, провожая глазами удаляющуюся фигуру Томаса.

– Энджи, ты в жизни не согласишься: он назначил мне свидание.

– Серьезно?

Кейт сникла:

– Я так и знала, что ты не согласишься. Кому я нужна?

– Ой, Кейт, извини, я вовсе не это имела в виду. – Энджи игриво толкнула ее в бок. – Многие мечтали бы с тобой встречаться, только ты такая неприступная!

– Ничего подобного. Ты и сама знаешь, что это не так. Я сейчас просто не хочу спорить.

– А ты дома отпросилась переночевать у меня?

– Отпросилась. – Кейт улыбнулась.

– Неужели разрешили?

– Разрешили.

– Вот здорово!

Кейт расхохоталась.

– Просто не могу поверить, что тебе не надо спешить домой. – Энджи растянулась на широкой кровати, подперев подбородок рукой и не спуская глаз с Кейт, которая уселась по-турецки рядом с ней.

– Мама меня отпустила под свою ответственность.

– Я так и подумала.

Они уединились в комнате Энджи два часа назад. Кейт любила приходить сюда: здесь все дышало жизнью, не то что в ее собственном мрачном доме. Стены были увешаны фотографиями и плакатами, на стульях валялась одежда, на подоконниках – засохшие букеты, напоминавшие о прошедших праздниках и вечеринках. Это была уютная, веселая девичья комната.

Они послушали новые пластинки, посмотрели телевизор. Сейчас из стереоколонок неслась музыка группы «Чикаго», и девочки расположились на кровати, прихватив пластиковое ведро с воздушной кукурузой. На тумбочке стояли две банки пепси.

– Что с тобой? – ни с того ни с сего спросила Энджи, вглядываясь в лицо подруги. – Что ты притихла? Волнуешься из-за предстоящего свидания?

Кейт отвела глаза:

– Вовсе нет.

– Врешь!

Кейт показала ей язык. В это время раздался деликатный стук в дверь.

– Мама, это ты?

Роберта Стрикленд, улыбаясь, вошла в комнату дочери:

– А то кто же? Или вы гостей ждете?

Какая она приветливая, подумала Кейт, всегда улыбается. Ей хотелось, чтобы ее мама была хоть чуть-чуть похожа на эту женщину.

Они с Энджи совсем разные, размышляла Кейт, глядя на скуластое лицо и крупную фигуру Роберты, которую ничуть не портили крутые бедра и тяжелая грудь. У нее были милые черты лица, умело подчеркнутые косметикой, и чуть подкрашенные волосы. Она не утратила женской привлекательности.

– Уж не думаете ли вы всю ночь куролесить?

Энджи сморщила нос.

– Нет, нет.

– Так я и поверила! – Роберта с шутливой строгостью обратилась к Кейт: – Ты, пожалуйста, приструни мою дочь. Когда она не высыпается, на нее смотреть страшно.

– Я за ней прослежу.

– Мы еще посмотрим, кто за кем проследит, – в тон ей ответила Энджи.

Роберта только покачала головой и вышла.

– Хорошая у тебя мама.

– Пожалуй, да, по большей части.

Кейт улыбнулась. Энджи спросила:

– А ты, часом, не собираешься на попятный?

Кейт поняла, на что она намекает.

– Может, мне только приснилось, что он мне назначил свидание?

– Я по крайней мере видела наяву, что он с тобой разговаривал.

– Послушай, а что, если нам объединиться: мы с Томасом и вы с Ларри?

Ларри Эллиот, звезда футбольной команды, был последним увлечением Энджи. Симпатичный парень, но до Томаса ему далеко. Кейт до сих пор не могла поверить, что Томас обратил на нее внимание.

Энджи покачала головой и отвела взгляд.

– Нет, вряд ли это получится. Ларри недолюбливает Томаса.

– Неужели? Но почему?

Энджи пожала плечами:

– Сама не знаю. Их не разберешь. Вроде они часто бывают вместе: в одной команде как-никак.

– Да, верно. – Кейт в задумчивости наматывала на палец длинную прядь волос. – Томас больше увлекается машинами... и девочками.

Энджи помолчала и, не глядя на Кейт, спросила:

– Скажи, а зачем тебе это нужно? Мы с тобой знаем, какая о нем идет слава. – Она залилась краской.

Кейт покусывала губу.

– Я все понимаю. Потому и удивляюсь, зачем я ему нужна.

– И все-таки пойдешь?

– Пойду. Он со мной ничего себе не позволит.

– Почему ты так уверена?

– А ты почему так уверена? – не сдавалась Кейт.

Энджи не склонна была отшучиваться:

– Точно не знаю, но ходят всякие слухи.

– Какие, например?

– Сама знаешь. – Энджи уходила от ответа.

– Ты думаешь, он снимает трусы со всех девчонок, с которыми встречается?

Энджи покраснела.

– Кейт Колсон, от тебя ли я слышу такие слова?

Кейт улыбнулась:

– Представь себе.

– Ты обратилась не по адресу, – ответила Энджи тихо, но твердо. – Я могу только повторить, что болтают другие.

– А у тебя с кем-нибудь это было? – Кейт тоже залилась краской. – Можешь не отвечать, если тебе неприятно, – торопливо добавила она, – это не мое дело...

Ей давно не терпелось задать Энджи этот вопрос, но до сих пор не хватало духу. Им случалось болтать об интимных делах, но они никогда не переносили эти разговоры на себя. Если бы не предстоящее свидание, Кейт так и не осмелилась бы спросить.

– Разумеется, нет. И у тебя тоже не было.

Кейт невесело рассмеялась:

– Самое глубокомысленное изречение года! Каким образом, интересно мне знать, можно было лишиться девственности, если я к парням даже близко не подходила?

– Вот ты и решила это исправить.

– О чем ты говоришь? Мы с ним встретимся скорее всего один-единственный раз. И вообще он, наверное, выпил или был не в себе.

Энджи раздраженно остановила ее:

– Брось, пожалуйста.

– Вот увидишь.

– А что скажет твой папа?

Кейт помрачнела.

– Я ему не скажу.

– Ни за что не поверю.

– Точно. Сама посуди: ты же знаешь, какой он суровый. Неужели он разрешит мне ходить на свидания? – Голос ее задрожал.

– Но если ты сбежишь тайком, а он прознает, будет страшный скандал.

– Он меня убьет. – Кейт словно смирилась со своей участью.

Обе замолчали.

Кейт собрала все свое мужество.

– Я... ну... что-нибудь придумаю. Вообще-то... я попросила Томаса заехать за мной сюда. Ты не против?

Энджи поджала губы.

– Я, конечно, не против, но все же тебе надо спросить разрешения у отца. Как-никак Томас – сын проповедника; это должно смягчить родительское сердце.

– Может, ты и права. Когда-нибудь спрошу, но в первый раз пусть лучше Томас заедет сюда.

– Куда вы собираетесь?

– В город, в кино.

Энджи села в кровати.

– Надо заранее приготовить, что ты наденешь.

Кейт смутилась:

– Ничего не надо готовить. – У нее зашипало глаза. – Я раздумала.

– Что?

– Я раздумала, – повторила Кейт. – Позвоню ему и скажу, что заболела. Мне же нечего надеть.

– Сейчас что-нибудь придумаем. – Энджи вскочила и бросилась к шкафу. – Мама мне купила новую блузку и джинсовую куртку с оранжевой строчкой. – Она сдернула вещи с вешалки. – Ну, как тебе?

Кейт смотрела широко раскрытыми глазами.

– Великолепно! Просто слов нет.

– Тогда в этом и пойдешь.

Кейт отшатнулась, как от огня.

– Нет, как же...

– Не спорь! У тебя же есть джинсовая юбка?

– Есть, но...

– Отлично. Бюст у нас с тобой – будь здоров, – засмеялась Энджи, – так что блузка будет в самый раз.

В глазах Кейт стояли слезы.

– Энджи, я прямо не знаю...

– Фу ты, опять за свое! Кстати, вот еще что, смотри сюда: это новый блеск для губ – помнишь, мы с тобой видели рекламу в журнале? Он совсем светлый, твой папа ничего не заметит.

Кейт молча обняла Энджи и не сразу смогла произнести:

– Ни у кого нет такой подруги, как ты.

Энджи на мгновение нахмурилась, потом смущенно улыбнулась:

– Да что ты, в самом деле! Давай-ка займемся примеркой.

Они уgomонились только в час ночи. Энджи заснула мгновенно, а Кейт еще долго лежала, обхватив себя руками за плечи, и перебирала в памяти все подробности минувшего дня.

Впервые в жизни ей хотелось, чтобы поскорее настало завтра.

Глава 5

Преподобный Пол Дженнингс остановился перед овальным зеркалом в гостиной, поправил галстук и тщательно пригладил волосы.

Томас, крадучись по коридору к двери, заметил отражение отца в зеркале. Он замедлил шаг и скривил губы в непочтительной ухмылке.

Ему было яснее ясного, что мысли старика заняты вовсе не предстоящей проповедью. Скорее всего он размышлял, когда представится удобный случай улечься в постель с женушкой дьякона.

Ну и ханжа, думал Томас, вспоминая отцовские нотации о порядочности и уважении к девушкам. Уважение к девушкам – надо же такое ляпнуть! И кто бы говорил! Да у девчонок одно на уме, от них отбою нет, сами пристают. Кейт, конечно, исключение.

Но сейчас ему не хотелось о ней думать. Сейчас надо посмотреть, как старикан прихорашивается перед зеркалом. Не иначе, надеется сегодня после вечерни пойти налево, когда мать, как всегда, сляжет с мигренью. Папаша наврет ей, что собирается допоздна работать у себя в кабинете: дескать, если он понадобится, пусть позовет. Но еще не было случая, чтобы он ей понадобился.

Когда Томас впервые застукал отца с женой дьякона, он был как громом поражен. Ему и в голову не приходило, что папаша способен на такое распутство. Преподобный Дженнингс был высок ростом и чуть сутуловат. Его темные волосы уже тронула седина, а глаза прятались за очками в серебряной оправе. Но он всегда был безупречно одет и блистал красноречием, которое могло обмануть кого угодно, только не Томаса. К сыну он относился с равнодушным отчуждением и вспоминал о его существовании только тогда, когда поступки отпрыска могли задеть репутацию проповедника.

Однажды случилось так, что Томасу пришлось забежать днем к отцу в церковь, чтобы опередить разгневанного соседа и признаться, что, гоняя на машине, он помял соседский драндулет. В церкви никого не было, но до Томаса донесся приглушенный хохоток. Он направился к каморке с табличкой «Пастор» и обнаружил, что дверь приоткрыта. Надо же было отцу именно в этот момент запустить руку за пазуху дьяконше.

Томас следил за ними из-за двери со злорадной ухмылкой, потом на цыпочках отошел, оставаясь незамеченным, и решил, что этот случай можно будет когда-нибудь использовать к собственной выгоде.

Теперь, глядя, как отец наводит лоск, Томас не стал мысленно упрекать его в сластолюбии. Сам-то он – яблочко от яблони. Его тоже хлебом не корми – дай залезть девчонке в трусики. Томас нахмурился, вспомнив про Кейт.

– Куда направляешься, сын мой? – заметил его преподобный Дженнингс.

– Сейчас Джексон зайдет, поедем кататься.

– Помни, ты не должен опаздывать в церковь.

Томас переминался с ноги на ногу.

– Помню, помню. Я заеду за Кейт, и мы придем вместе.

– Ну что ж, она хорошая девушка. Мы с мамой одобряем твой выбор.

– Рад слышать. – Том ерзал как на иголках. – Кажется, Джексон уже здесь. Я пошел.

Он выскочил за дверь и увидел Уэйда Джексона, семенящего по дорожке.

– Где тебя черти носят? – обрушился на него Томас.

– Где-где, «травку» для тебя доставал, ты же сам просил.

– Тебя только за смертью посылать.

У Уэйда дернулась щека.

– Будешь ругаться – вообще не стану больше приносить.

– А куда ты денешься? – презрительно бросил Томас. – У самого-то в карманах хоть шаром покати.

Уэйд покраснел, но возразить было нечего.

– Пошли отсюда, пока папаша не засек.

Нырнув в свой старый, разбитый «форд», Уэйд пошарил под приборной доской и выудил несколько набитых косяков.

– О-о, кайф! – с вождением протянул Томас, хватаясь за сигарету, как утопающий за соломинку. Через мгновение оба уже глубоко затягивались сладковатым дымом. Сгустившиеся сумерки скрывали их от глаз случайных прохожих и любопытных соседей.

– Ну вот, полегчало. – Томас набрал полные легкие дурмана и задержал дыхание.

– Ты совсем обкурился. Слушай, а с ней-то у тебя, похоже, дело не сладилось?

– Спокойно, Уэйд, за мной не пропадет.

Джексон гадко захихикал:

– Поглядим. Что-то тебе последнее время не везет.

– Отстань.

Уэйд не сдержал злорадного смеха.

– Заткнись, понял? Я сказал, что уложу ее, и точка. Это вопрос времени, вот и все.

– Может, так, а может, и нет. С чего ты взял, что она для тебя на все готова?

Губы Томаса сжались в тонкой, злой усмешке.

– Брось, тебе здесь ничего не обломится. Она в твою сторону и смотреть не станет.

Томас проклял тот день, когда проговорился, что с Кейт вышло не так, как ему хотелось. Он собирался овладеть ею в первый же вечер, но она заупрямилась, и он решил не торопить события. Однако время шло, и терпение его подходило к концу.

Он еще докажет Уэиду... Сегодня же. Иногда он спрашивал себя, зачем вообще держать при себе этого толстого болвана, но ответ напрашивался сам собой. Уэйд был у него на побегушках, только свистни. Даже «травку» для него покупал. Сам Томас не мог так рисковать: ведь у него отец – священник, а мать в родительском комитете.

Уэиду-то что: у них в семье десять детей, да к тому же, как и у Кейт, за душой ни цента. Ему терять нечего. Кроме того, Томас был уверен, что у Уэйда свой интерес: популярность Томаса отраженным светом падала и на него.

Но иногда Уэйд начинал наглеть, и Томасу приходилось ставить его на место.

– Вот так-то, друг мой, – назидательно сказал Томас между затяжками, – Кейт Колсон – не твоего поля ягода.

– Пошел ты к черту, – огрызнулся Уэйд.

– Это ты мне говоришь? Да у меня отец проповедник, мне один путь – не к черту, а к Богу.

– Не больно-то заносись. А Кейт, между прочим, не подарок. Голь перекатная.

– Да, тут ты прав, – ехидно подтвердил Томас, – да ведь мне с ней под венец не идти, мне бы только разочек ее в кусты затащить. Не пропадать же такому добру.

От этих разговоров Томас почувствовал возбуждение. Теперь он не мог думать ни о чем другом. Да еще «травка» подействовала. Желание становилось непереносимым.

– К тому же девушка она неглупая, – добавил Томас, чтобы подразнить Уэйда. – С тех пор как мы стали встречаться, я чуть ли не в отличники вышел с ее помощью.

– Ладно, хватит трещать. Надоело.

– Ай-ай-ай, что это мы так рассердились? – ерничал Томас.

Уэйд засопел и бросил на него злобный взгляд:

– Настанет час – все тебе припомнится. Вот тогда я на тебя погляжу.

– Никогда не настанет такой час, друг мой. Знаешь, как в Писании сказано: поступай с ближним так, как он хотел бы поступить с тобой.

– У тебя не все дома, Дженнингс.

Томас рассмеялся и томно сказал:

– Мне пора. Меня ждут любовные утехы.

– Тебе нравится этот парень?

– Да, мама, очень нравится.

Мейвис глубоко вздохнула:

– Папа велел, чтобы вы с ним сходили в нашу церковь, а потом сразу домой. Завтра в школу.

– Мы договорились идти в методистскую церковь, сегодня преподобный Дженнингс читает проповедь. – Кейт встревожилась: действительно, по средам и воскресеньям отец требовал, чтобы она сидела рядом с ним на передней скамье в его церкви. – Но ведь большой разницы нет, правда?

– Наверное. Церковь есть церковь.

Кейт не ответила. Она повернулась к зеркалу и принялась расчесывать волосы, но смотрела на отражение матери. Ей стало не по себе. Мейвис выглядела измученной и бледной, синяки под глазами стали еще темнее.

– Мама...

– Что, дочка?

– Папа опять... тебя обидел?

Мейвис выпрямилась, но отвела глаза.

– С чего ты взяла?

Кейт догадывалась, что мать чего-то недоговаривает, но не стала расспрашивать. Ей сейчас не хотелось слышать правду, чтобы не омрачать предстоящую встречу с Томасом.

– Так мне показалось.

– Беги, а то опоздаешь.

Мать вышла из комнаты. Кейт не могла думать ни о чем, кроме Томаса. «Я люблю», – пело ее сердце. И он тоже ее любит, он сам признался ей в первую встречу, покрыв ее лицо и грудь влажными поцелуями. Она покраснела, вспомнив, какие вольности позволила ему в тот вечер. Ну и пусть. Она сходила с ума от его поцелуев.

Она влюблена, вот и все.

Им так редко удавалось побыть наедине. Она дорожила каждой минутой, проведенной с ним. Ее преследовал страх, что отец запретит им встречаться. Она не могла поверить, что он до сих пор смотрит на их дружбу сквозь пальцы. Но Энджи оказалась права: Томас был сыном священника, а это в глазах ее отца служило гарантией порядочности.

Они с Томасом встречались уже целый месяц. Ее жизнь перевернулась...

Грубый голос отца прервал ее мысли:

– Ухажер твой приехал.

– Скажи ему, что я сейчас.

– Вот еще. Сама иди.

Но даже отцовский нрав не мог омрачить ее радость. Сияя улыбкой, она как на крыльях выпорхнула за калитку.

Глава 6

Где-то вдалеке мерцали огни Остина. Резкие порывы северного ветра бились в оконное стекло.

Но двое, сидевшие в машине, видели и чувствовали только друг друга.

Томас с трудом оторвал мягкие, влажные губы от лица Кейт. Ему трудно было дышать.

– Ей-богу, это куда приятнее, чем слушать проповеди моего папаши.

Кейт не знала, что ответить, да это и не имело значения: она все равно не смогла бы произнести ни слова. Они с Томасом уже полчаса целовались и ласкали друг друга.

Выйдя из церкви, они поехали в свое излюбленное место на полпути между Остином и городком Фор-Корнерс. Когда стояли теплые вечера, они ложились прямо на траву, где их видели только звезды.

Сегодня похолодало. Северный ветер сделал свое дело. Но на заднем сиденье «мустанга» было тепло, как в печке. Томас снова прижал к себе Кейт и языком раздвинул ей губы. Его рука крепко сжала налитую грудь, которую Кейт впервые позволила ему обнажить и рассмотреть.

Кейт застонала и попыталась высвободиться.

– В чем дело? – Его глаза сузились, в них появилось хищное выражение. – Тебе не нравится, когда я тебя тискаю?

Кейт содрогнулась. Ее коробила такая вульгарность. Но она ничего не сказала, опасаясь рассердить его.

Впрочем, сегодня он с самого начала был раздражен. Она сразу это почувствовала. Во время проповеди он нетерпеливо ерзал на скамье. В его взгляде сквозила плохо скрываемая досада. Она понимала, что он ждет не дождется, когда можно будет осыпать ее поцелуями, так, чтобы она почувствовала биение собственной плоти. Каждый раз эти ласки сводили ее с ума. Но сегодня ей впервые стало страшно.

– Нет-нет, ничего, – поспешила ответить Кейт, – просто уже пора домой.

Томас отвалился на сиденье и насупился:

– Я-то думал, ты меня любишь.

– Конечно, люблю, – сказала она сдавленным шепотом.

– Не похоже.

Эти слова пронзили ее, как нож.

– Если любишь, почему же ты мне ничего не позволяешь? – Он говорил как обиженный ребенок.

– Ты знаешь, что я тебя люблю. – Она осторожно положила руку ему на бедро.

– Почему же ты каждый раз говоришь «нельзя»? – Свободной рукой он сжал вторую грудь и зарылся лицом в ее душистые волосы.

– Томас, я не знаю...

– Что ты не знаешь? – Горячие губы покусывали ее шею. – Нам будет так приятно, вот увидишь. Я знаю, как сделать, чтобы обоим было хорошо.

Кейт не разжимала объятий. Ее охватила буря неизведанных чувств, разрывающих сердце, но страх был сильнее желания.

Так уж ее воспитали с детства. Церковь учила, и папа всегда говорил, что любовников ждут вечные муки ада.

Но если она не уступит Томасу, он бросит ее и найдет себе другую. Эта мысль была ей невыносима.

– Ну пожалуйста, детка, не сжимай ноги. – Томас становился все настойчивее.

Кейт хотелось закричать, но она сделала так, как он просил. Ведь родители не запрещали ей с ним встречаться? Его отец – самый уважаемый проповедник. И в школе к Томасу хорошо

относятся: не зря его избрали председателем ученического совета. С тех пор как она стала его девушкой, на нее тоже все начали обращать внимание. Прежде такого не бывало.

Томас почувствовал, что она дрогнула, и прошептал настойчиво и вместе с тем умоляюще:

– Я люблю тебя, ты это знаешь.

Его слова точно высвободили сжатую пружину. Кейт до боли захотелось любви, которой она никогда раньше не знала. Она прижалась к Томасу, и разделявшая их стена рухнула.

– О, Томас, я тоже люблю тебя, – прошептала она, закрывая глаза.

– Значит, ты согласна, малышка?

Его прерывистое дыхание жгло ей губы. Томас быстро стянул с нее трусы, бросил под сиденье и насильно развел ее ноги. Потом поднялся над ней, стоя на коленях, и расстегнул молнию на джинсах. Кейт никогда раньше не видела мужскую плоть, и нагота Томаса неприятно поразила ее. Неужели это и есть предвестник счастья: такой тонкий, твердый, с голубыми прожилками вен?

– Томас, это нехорошо. – Ее знобило, но на лбу выступили капли пота. – Умоляю тебя, перестань.

– Не могу, – простонал он, – мне уже не остановиться.

Кейт почувствовала, что его пальцы нащупали заветную влажную ложбинку, но не успела даже вскрикнуть: он накрыл ее рот горячими губами и проник в самое лоно.

Ее пронзила острая, жгучая боль. Томас вонзался в нее снова и снова. Боль не унималась. Кейт не могла дышать; ей казалось, что у нее вот-вот остановится сердце.

Но вскоре ее мучениям пришел конец. Громко охнув, Томас всей тяжестью опустился на нее, зарывшись потным лицом в ее голую грудь. Кейт затрясло. Неужели эти пытки должны были дать ей радость и счастье? Не может быть. Он просто надругался над ее телом.

– Тебе было хорошо? – Он поднял голову и посмотрел ей в глаза.

Слезы заливали лицо Кейт. Каждый вздох причинял ей боль.

– Черт, – выругался он, отвалившись вбок и застегивая джинсы. – Ну что ты ревешь? Терпеть не могу, когда нюни распускают.

Она вытерла лицо рукой.

– Извини. Мне было больно.

– Это ерунда, в другой раз будет легче. – Томас самодовольно потягивался, как сытый кот. – Вот увидишь.

Кейт молча кивнула. Она не хотела другого раза. Томас едва удостоил ее равнодушным взглядом.

– Завтра, наверное, все пройдет, – выдавила она, чтобы только задобрить его.

– Это точно.

Говорить больше было не о чем.

– Перелезай на переднее сиденье, – распорядился Томас.

Кейт нашарила в темноте свои трусы и неловко натянула их, стараясь не обращать внимания на липкий ком, словно застрявший у нее между ног. Все тело затекло; ее тошнило.

Пересесть на переднее сиденье оказалось непросто: каждое движение причиняло боль, но она боялась признаться в этом.

По дороге Кейт украдкой посмотрела на Томаса:

– Мы завтра увидимся?

– Не-а. Меня старикан гонит работать, чтобы я сам покупал бензин для своей тачки.

– Значит, в понедельник?

Томас прибавил газу, и машина рванула вперед.

– Возможно.

Кейт замерла в нерешительности. Она едва сдерживала подступившие к горлу рыдания. Ища хоть малейшей поддержки, она робко спросила:

– Томас?

– Ну что еще?

– Ты меня любишь, как раньше?

Повернув голову, он кольнул ее холодными зрачками:

– Конечно, малышка. Даже еще сильнее.

Через двадцать минут Кейт уже сидела в ванне. Теплая мыльная пена принесла ей облегчение. Тело медленно возвращалось к жизни, но сердце заледенело. Она любила Томаса, как никогда, но не хотела больше его видеть. Почему в ней уживались эти противоречивые чувства?

Кейт опять задрожала. Она старательно терла себя губкой и проклинала собственное малодушие. Надо было остановить Томаса. Когда он, нажав коленом, развел ее ноги, она поняла, что ничего не сможет сделать. Но она боялась, что он разозлится, да вдобавок сама потеряла голову от волнения и неизведанности. У нее оставались лишь крохи надежды, что он в последний момент хотя бы пощадит ее девственность, но этого не произошло.

Что же дальше? В первую очередь необходимо было уничтожить все следы содеянного. Вернувшись домой, она из коридора крикнула матери, что пришла, и побежала к себе. Сбросив одежду, Кейт пришла в ужас от вида запекшейся крови. Она с трудом соображала, что происходит.

Главное – чтобы родители не догадались. Эта мысль подхлестнула ее. Если она слишком долго задержится в ванной, мама заподозрит неладное и придет проверить. Нет, так рисковать нельзя. Кейт наспех вытерлась, проскользнула в свою комнату и нырнула в постель. Накрывшись с головой одеялом, она снова заплакала.

– Ой, Томас, – шептала она в темноту, – мне так страшно.

Все образуется, пыталась успокоить себя Кейт. Ведь Томас ее любит.

Глава 7

Весна пришла на удивление рано. В Хилл-Кантри зазеленели горы. По склонам то тут, то там появлялся узор из первоцветов. На деревьях раскрывались клейкие листочки. Однако воздух еще не прогрелся.

Кейт в очередной раз взглянула на столбцы календарика в своей записной книжке и почувствовала, как у нее по спине пробежал холодок. Но весенняя прохлада была тут ни при чем.

Месячные не пришли уже второй раз. Наверное, она заболела, тем более что ее давно мучила тошнота.

Вот и сегодня они делали уроки у Энджи, и от запаха попкорна Кейт стало плохо, а когда она глотнула кока-колы, то и вовсе сделалось невмоготу.

Энджи промолчала, но Кейт чувствовала, что подруга заподозрила неладное при виде ее бледного, осунувшегося лица.

Кейт давно собиралась сказать матери, что плохо себя чувствует, но ей делалось страшно при мысли о врачах и медицинских осмотрах. К тому же денег на доктора в семье все равно не было, а отец не верил ни в какие недомогания, считая, что все болезни от безделья.

В этом, как и во всем остальном, он был несправедлив. Кейт никогда не была лентяйкой. Она все делала старательно: и уроки, и работу по дому. Ей нравилось учиться. С особым увлечением она занималась историей и английским, да и испанским, пожалуй, тоже. Она мечтала путешествовать по всему миру, поступить в колледж и потом посвятить себя правосудию.

В ее жизни школа всегда была на первом месте, но теперь все стало по-другому. Теперь на первом месте был Томас, а остальное, даже ее здоровье, отступило на задний план. После того вечера, когда она уступила ему, он постоянно занимал ее мысли, хотя с тех пор они почти не бывали вдвоем. Сначала она думала, что Томас ее разлюбил, но он сказал, что просто много работает после школы. Когда они виделись на перемене, он успевал шепнуть ей на ухо ласковое словечко. Она жила в ожидании этих мимолетных встреч.

Она ему верила. Не станет же он лгать ей после того, что между ними было.

«Однако надо заняться своим здоровьем, – думала Кейт, – хотя бы ради Томаса». Если она все время будет ползать, как сонная муха, он бросит ее и найдет кого-нибудь повеселее. Но повторения того вечера она не хотела и проявляла твердость.

В течение долгого времени Кейт исподволь наблюдала за своими родителями и за Энджи, но они, судя по всему, не заметили в ней никаких перемен. Зато сама она ощутила, что стала другой.

Даже своей близкой подруге она ни в чем не призналась. Все, что касалось Томаса, принадлежало ей одной.

Лучше умереть, чем потерять его.

– Эй, Кейти, ну где же ты!

Кейт захлопнула записную книжку и опустилась на край кровати. Ноги не держали ее. Комната поплыла перед глазами, тошнота подступила к самому горлу.

– Иди есть поп-корн, пока горячий, – звала Энджи.

Кейт сделала глубокий вдох, чтобы прийти в себя. Ноги все еще плохо слушались ее. Она немного постояла, потом собралась с силами и вышла в коридор.

В доме у Энджи всегда было тепло и уютно. Здесь Кейт всегда становилось легче. Расправив плечи и подняв голову, она прошла через просторную гостиную, обставленную со вкусом и чувством меры. Здесь стояли два мягких кресла, небольшой обитый цветным ситцем диван и кофейный столик из стекла и металла. В камине тихонько потрескивали угли.

– Иди на запах, – со смехом кричала Энджи.

– Иду, иду, – вяло откликнулась Кейт.

Чистенькая, веселая кухня была залита солнечным светом. На подоконнике стояло множество цветочных горшков.

– Ну и видок у тебя! – поразилась Энджи. – Просто ужас. Что, опять тошнит?

Кейт вымученно улыбнулась.

– Спасибо за комплимент. – Она избегала ответа на вопрос подруги.

– Я говорю, как есть, – твердо повторила Энджи и пристально посмотрела ей в глаза. – Нет, честно, тебе плохо? Может, это колики?

– Никакие не колики, просто что-то с желудком.

– Тогда садись и ешь попкорн. От всех болезней помогает! – С этими словами Энджи придвинула к ней большую тарелку горячей воздушной кукурузы и банку кока-колы. Запах жареного масла ударил в нос; Кейт застонала, силясь унять тошноту.

Энджи насторожилась:

– Опять рвота будет?

– Да, – коротко выкрикнула Кейт и, зажав рот рукой, выскочила из кухни.

Энджи чуть не выронила банку кока-колы и бросилась следом.

Кейт едва успела добежать до ванной. Ее вывернуло наизнанку. Сухие спазмы сотрясали все ее тело. Она почувствовала, как ей на лоб положили мокрое полотенце.

– Ничего, ничего, – донесся до нее голос Энджи, – сейчас все пройдет.

Действительно, ей стало легче, но она боялась пошевелиться, чтобы не вызвать новый приступ.

– Ну как ты? Получше? – спросила Энджи через несколько минут.

Кейт кивнула.

– Девочки, что случилось?

Энджи обернулась:

– Ой, мама, какое счастье, что ты пришла!

– Да уж, похоже, вовремя, – сказала Роберта. Она даже не успела снять форменное платье медсестры и, несмотря на усталость, выглядела свежей и подтянутой.

– Видишь, мама, Кейт стало плохо.

– Вижу, вижу. – Роберта протиснулась к Кейт и опустилась рядом с ней на колени. – Кейт, милая, ты можешь встать?

– Попробую...

– Вот и хорошо. – Роберта повернулась к дочери: – Держи ее с той стороны, а я с этой.

Через несколько минут Кейт уже полулежала на подушках в спальне Энджи, придерживая на лбу мокрое полотенце. Энджи пристроилась рядом.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Роберта с нескрываемым беспокойством. Она сидела в ногах у Кейт и не спускала с нее глаз.

Кейт откинула со лба мокрую прядь волос и слабо выдохнула:

– Уже лучше.

Она благословляла судьбу за внезапное появление Роберты. Та дала ей какую-то таблетку, и тошнота прекратилась.

Кейт заметила за окном белку, перескакивающую с ветки на ветку. Это зрелище заворожило ее.

– Кейт! – Голос Роберты вернул ее к действительности. – Энджи говорит, это с тобой не в первый раз.

– Да, такое уже бывало. – Кейт смахнула слезу.

– Живот не в порядке? – Роберта старалась говорить ровно.

– Наверное.

– А месячные тяжело проходят?

– Уже два месяца... не было.

Наступило тягостное молчание. Энджи разинула рот. Роберта окаменела.

– Что... вы думаете, это серьезная болезнь? – спросила Кейт, переводя взгляд с одной на другую.

– Ты, похоже, залетела, – выпалила Энджи.

Роберта уничтожающе посмотрела на дочь и мягко спросила:

– Кейт, милая, ты допускаешь, что это может быть беременность?

Кейт не верила своим ушам.

– Но как же... ведь я... – Слова застревали у нее в горле. От озабоченного, но не обвиняющего взгляда Роберты ей сделалось дурно, а на Энджи она не смела поднять глаза.

– Кейт, скажи мне правду. – Роберта говорила ласково, но твердо.

– Да, – чуть слышно прошептала Кейт.

Энджи застонала и вскочила:

– Как же можно было так...

И снова Роберта гневным взглядом оборвала ее.

Энджи смолкла и принялась теревить бахромку покрывала.

– Кейт, девочка моя, – сказала Роберта, – посиди спокойно, я сейчас позвоню знакомому доктору. Он тебя сегодня же посмотрит, даже если прием уже окончен.

Кейт обессиленно кивнула. От ужаса у нее свело губы, а сердце колотилось как бешеное. Беременность? Боже милостивый, нет! Только не это!

Энджи не выдержала:

– В самом деле, Кейт, как же ты могла сделать такую глупость, забыть об осторожности? – Она придвинулась вплотную к ее лицу. – Неужели ты не потребовала, чтобы Томас предохранялся?

– Как это?

– Что значит «как это»? – Энджи покраснела. – У Томаса всегда с собой презервативы.

– Откуда ты знаешь?

– Так мне кажется, – уклончиво ответила Энджи, – почти у всех парней они есть при себе.

То, что произошло, не укладывалось у Кейт в голове. Беременность. Нет, не может быть. С первого раза нельзя забеременеть. Она закрыла руками мокрое от слез лицо.

– Слезами горю не поможешь, – сказала Энджи и протянула ей бумажный платок, – надо думать, как дальше быть. Я и не знала, что ты такая растяпа.

Энджи не выбирала выражений, но в ее глазах Кейт не заметила презрения или снисхожденности. И тут ее как громом поразило. Родители... Боже, как сказать родителям? Нет, об этом невыносимо даже думать. Может быть, все обойдется? Может, это ложная тревога?

– Кейт, ты меня слышишь? Тебя опять тошнит?

– Нет, ничего. – У нее раскалывалась голова.

Энджи понимающе вздохнула:

– Все ясно: о Томасе задумалась.

– Нет, я задумалась о родителях.

– А Томас что?

Томас. Кейт задыхнулась. Если она действительно беременна, как он себя поведет?

Энджи не могла сдержаться:

– Если бы я до него добралась, я бы ему...

– Прекрати, Энджи. Не говори так о нем. Я ведь тоже виновата.

Энджи поджала губы.

– Очень сомневаюсь.

– Но это так.

– Ты слишком наивна, вот и все.

– Я его люблю.

– Как ты сказала?

– Именно так.

В эту минуту в комнату вернулась Роберта и обратилась к Кейт:

– Тебе получше?

Кейт кивнула.

– Вот и хорошо. Вымой лицо, приведи себя в порядок – и поедem к доктору.

Глава 8

Кейт всем телом сотрясалась от рыданий. У нее не осталось сил сдерживаться.

– Ну-ка, дорогуша, хватит слезы лить. – Роберта заговорила профессиональным тоном.

– Как же... я... – Кейт силилась что-то сказать, но не могла.

Она беременна. У нее будет ребенок. Господи, да как же не плакать, если она – в шестнадцать лет, без мужа – забеременела? Наверное, со стороны это выглядит как посмешище. В самом деле, они с Энджи не раз хихикали в уголке, когда у других девчонок случалось такое несчастье. Вот Бог ее и наказал. Папа всегда предупреждал. Она раскачивалась взад-вперед, не поднимаясь с дивана, и громко всхлипывала.

– Кейт, послушай меня внимательно, – сказала Роберта уже серьезно, – тебе опять станет плохо. Постарайся взять себя в руки.

– Кейти, мама права, надо успокоиться. Что уж теперь поделаешь.

Слова Энджи наконец-то дошли до Кейт. Не распрямляя сгорбленной спины, она подняла голову и посмотрела на подругу. Энджи всегда попадала в самую точку. Но Кейт не могла унять истерику.

– Вот, держи. – Энджи протянула ей целую пачку бумажных платков. – Хорошо, что я такая запасливая, а иначе тут был бы настоящий потоп.

Неловкая шутка, как ни странно, приободрила Кейт. Ее губы тронула слабая улыбка. Она с трудом набрала в легкие побольше воздуха и испытала минутное облегчение.

Роберта и Энджи не отходили от нее с того момента, как доктор подтвердил, что она беременна.

Сейчас Кейт сидела на диване у них в гостиной, а они хлопотали вокруг нее и пытались заглянуть в недалекое будущее. Кейт хотелось только одного: забиться в какую-нибудь нору и умереть.

Ощущение пустоты и безнадежности было для нее не внове. Она испытывала его всякий раз, когда отец поднимал руку на маму, когда в праздничные дни она сидела дома из-за того, что ей нечего было надеть и никто ее никуда не приглашал. Она переживала такое же чувство и тогда, когда одноклассницы потешались над ее нищенскими обносками, взрослой фигурой и старательностью в учении. Но каким мелким все это казалось теперь, когда на ее долю выпало настоящее испытание.

– Кейт, милая, я понимаю, что это кошмар, – сказала Роберта, – но жизнь на этом не кончается.

– Кончается, – только и смогла произнести Кейт, размазывая слезы по щекам.

Энджи присела рядом с ней.

– Попей лимонада. Сразу станет легче. – Она откупорила жестяную банку.

Кейт сделал пару глотков и отставила банку в сторону. Ей уже никогда не станет легче.

– Тебе придется рассказать все родителям. – Слова Роберты растворились в мертвой тишине. Кейт безмолвно пошевелила губами. Оцепенение сменилось неистовой дрожью.

– Ну-ну-ну, держись! – Энджи неумело погладила ее по плечу и вопросительно посмотрела на мать.

Роберта жестом приказала дочери замолчать, села рядом с Кейт и обняла ее.

– Я знаю, на это трудно решиться, но ничего не поделаешь, надо им признаться.

Кейт отшатнулась, как загнанный зверек.

– Я... не смогу.

– Но дело в том...

– Умоляю вас, миссис Стрикленд, не заставляйте меня этого делать. – От одной мысли о том, что надо будет признаться отцу, ее охватывал животный ужас. Его ярость будет страш-

ной. Он избьет ее так, что ребенок уже не появится на свет. «А может, пусть так и будет? – спрашивала себя Кейт. – Тогда все решится само собой. Нет, так нельзя». Она только сейчас осознала, что в ней теплится новая жизнь. Словно защищая ее, она положила руку на живот.

– Ты не думала о том, чтобы сделать аборт?

Слова Роберты опять упали в тишину, более глубокую и зловещую, чем прежде.

– Ой, мама, – пискнула Энджи, не спуская глаз с Кейт, потом взяла Кейт за мокрую, безжизненную руку и крепко сжала.

– Кейт! – окликнула Роберта, думая, что та ее не слышит.

– Нет, не думала.

– Наверное, надо иметь в виду такую возможность. Если ты отказываешься сказать родителям, тогда это – единственный выход.

– А... как это? – выдавила Кейт.

– Как делается аборт? – переспросила Роберта.

Кейт кивнула:

– Миссис Стрикленд, это больно?

Роберта раздумывала.

– В целом процедура не из приятных, но не очень болезненная. И длится, как правило, всего пять – десять минут. – Она перевела дыхание. – Сначала врач проводит гинекологический осмотр, потом вводит обезболивающее.

– Разве при этом не усыпляют?

– Нет, ни в коем случае.

Кейт снова положила руки на живот и содрогнулась.

– А что потом?

– При помощи пластиковой трубки врач делает так называемую вакуумную аспирацию. Чтобы тебе было понятно – содержимое матки высасывается под давлением.

Кейт задохнулась и широко раскрыла глаза.

– Я не смогу на это решиться. Папа меня, может, и не убьет, а вот Бог точно убьет.

Роберта совсем расстроилась.

– Милая моя, не надо говорить такие вещи. Это все не так.

Кейт не собиралась спорить. Она-то знала, что все именно так и будет. Ей стоило отчаянных усилий принять решение.

– Ну хорошо, Кейт, – сдалась Роберта, – больше я ни на чем не настаиваю.

– А ты Томасу скажешь? – спросила Энджи.

Кейт поймала на себе ее встревоженный взгляд:

– Ты считаешь, не надо?

Энджи опустила голову:

– Ой, Кейти, не спрашивай меня. Я бы... – Она умолкла.

– Непременно надо сказать Томасу. – Роберта умелыми движениями массировала лоб

Кейт. – Как-никак, он к этому причастен.

– Подлюга, – пробормотала Энджи себе под нос.

Кейт не расслышала.

– Что-что?

– Так, ничего, – пожала плечами Энджи.

– Вот и не болтай, – одернула Роберта.

Кейт смотрела в пространство.

– Томасу я скажу завтра. Мы пойдем в церковь – его отец будет читать проповедь.

Энджи только закатила глаза. Роберта плотно сжала губы. Кейт прочла их мысли и, несмотря на всю свою благодарность им обоим, почувствовала прилив гнева. Они хотели возложить всю вину на Томаса, выставить его подлецом. Завтра она ему все расскажет, и тогда

они узнают, каков он на самом деле. Она не знала точно, что он ответит, но не сомневалась: он придумает, как им поступить. Одной ей не под силу решить, что делать дальше. Они должны принять решение вместе. Ведь он ее любит – она не забывала об этом ни на минуту.

– Живот не болит? – спросила Роберта.

– Немного мутит, но рвоты, кажется, больше не будет. – Кейт обессиленно.

– Ну и ладно. Вымой еще разок лицо, и поедем домой.

При слове «домой» у Кейт мурашки побежали по коже.

Она не хотела ехать домой. Вдруг родители по ее виду догадаются, что она согрешила с Томасом?

– Кейт, Кейт, не волнуйся. – Роберта словно читала ее мысли. – Они ничего не узнают, пока ты сама не расскажешь. В первые месяцы ничего не заметно.

Кейт снова залилась слезами.

– Просто не знаю, что бы я делала, если бы не вы... и Энджи.

Роберта погладила ее по руке и ободряюще улыбнулась:

– Хорошо, что мы были рядом.

Когда Кейт вымыла лицо и причесалась, силы начали возвращаться к ней. Но ее веки покраснели и распухли. Она могла рассчитывать только на обычное невнимание и равнодушие родителей.

– Девочка моя, надо подумать о будущем. Ты понимаешь меня? – Голос Роберты отрезвил Кейт, когда они вдвоем шли к машине.

– Понимаю.

– Рано или поздно придется сказать все родителям.

– Я знаю.

Кейт рывком открыла дверцу, устроилась на сиденье и всю дорогу не могла отделаться от ледящего холода в сердце.

У Томаса кровь застыла в жилах.

– Что ты сказала?

Кейт повторила дрожащими губами:

– Я... беременна.

– Дура чертова! – Он подскочил к ней, и его красивое лицо исказилось от злости.

Боясь, что он ударит ее, Кейт съежилась и отступила назад.

– Нет, стой! – Томас схватил ее за хрупкое запястье. – Если ты решила комедию ломать – такой номер не пройдет.

– Ты делаешь мне больно. – Кейт пыталась высвободиться.

Он только сильнее сжал пальцы.

– Будет еще больнее, если не прекратишь свои штучки. – Ему ничего не стоило сломать ей руку.

– Томас, прекрати, прошу тебя, – умоляюще прошептала Кейт.

– Ой, скажите, «Томас, прекрати»! – злобно передразнил он.

Один ее вид вызывал у Томаса гадливое отвращение. Он не знал, когда это началось. Может быть, она не оправдала его ожиданий в тот вечер, когда отдалась ему. Пошла она подальше, не нужны ему ее пышные формы. Что это за девчонка, если она ни бельмеса не смыслит в сексе? Его всегда тянуло к таким, которые и сами не прочь развлечься.

Однако бросить ее Томас не мог. Папаша все время совался с расспросами, требовал, чтобы Томас приводил ее в церковь. Чтобы только он отстал, приходилось идти на уступки.

Но в последние дни Томасу сделалось нелегко. Неприятности сыпались градом. Отец взъелся из-за того, что Томас опять разбил машину, и изводил его нудными нравоучениями.

По настоянию отца Томас начал работать в загородном клубе, хотя ему эта работа была сто лет не нужна, тем более что папаша забирал почти все деньги, чтобы платить страховку за машину.

Томаса не раз подмывало выложить на стол козырную карту: рассказать отцу, что он застукал его с дьяконшей. Вот бы старикан задергался! Но Томас трезво рассудил, что бывает еще хуже, и решил приберечь свой козырь на крайний случай. Вот как сейчас, например.

Господи, как же это могло случиться? И потом, нашла где об этом заговорить – у него дома! Томас подозрительно оглядел комнату, словно стены могли выдать услышанную тайну. Он вообще не собирался приводить ее к себе домой, но опять вмешался отец. После службы он отправил сына за памяткой по сбору средств, которая понадобилась одной прихожанке, и велел взять с собой Кейт.

Сейчас Томас злорадно наблюдал, как ее глаза наполняются ужасом. Он не ослаблял свою хватку и обливал Кейт презрением:

– Ну что, решила меня взять на пушку?

– Нет, Томас, я сказала правду.

Он отпустил ее руку: ему вдруг стало противно прикасаться к ней, особенно под взглядом ее затравленных, покрасневших глаз. Неужели Кейт забеременела в тот единственный вечер? Нет, быть такого не может. От одной этой мысли ему делалось дурно.

Томаса прошиб пот. Он отошел к окну. Это ошибка, вот и все, убеждал он себя. Но чутье подсказывало, что никакой ошибки нет. Надо же было так влипнуть: один раз в жизни у него не оказалось с собой презерватива!

Ну да ладно, еще не поздно поправить дело. Этой стерве не удастся сломать ему жизнь. У него уже все расписано на много лет вперед, и в этих планах ей места нет. В загородном клубе он познакомился с девчонкой – высший класс. Есть на что посмотреть, недотрогу из себя не корчит, денег – куры не клюют.

Томас снова обернулся к Кейт. Она стояла как каменная и только кусала губы. Тьфу ты, век бы ее не видеть.

– А почему ты так уверена? – спросил он.

– Мать Энджи водила меня к знакомому врачу, и тот все подтвердил. – Она подняла голову. – Так что ты скоро станешь папой.

Он в два прыжка пересек комнату и очутился рядом с ней.

– Еще чего захотела, дура! – выкрикнул он и ударил ее по лицу.

Кейт закричала, как подстреленная птица, и прижала ладонь к разбитой губе.

– Что за шум?

Томас тихо выругался. Он и не слышал, как вернулись родители. Преподобный Дженнингс стоял на пороге и не сводил глаз с Кейт. Томас проследил за его взглядом:

– Кейт споткнулась и ударилась о край стола. Ничего страшного, верно, Кейт?

Из-за спины отца показалась Рут, мать Томаса. Она холодно посмотрела на сына и сказала:

– Надо ей чем-нибудь смазать ссадину.

– Кейт, тебе больно? – спросил преподобный Дженнингс.

Кейт опустила руку, сжимавшую рот.

– Нет, не беспокойтесь, сэр.

– Томас, дай ей платок.

Томас не посмел послушаться.

– Присядь, Кейт, – распорядился священник, – сейчас Томас принесет мазь.

Кейт опустилась на стул, зажав рот платком.

– Я сейчас, – бросил Томас, выходя вслед за родителями.

Кейт не могла стряхнуть оцепенение. У нее в голове не укладывалось, что Томас поднял на нее руку. Она и раньше сносила от него обиды, которые ранили ее в самое сердце. Но теперь ей нельзя переживать: надо думать о малыше.

Сможет ли она простить Томаса? Наверное, сможет. Известие, которое она принесла, повергло его в шок, и это неудивительно. Завтра он остынет и поведет себя совсем иначе. Утро вечера мудренее.

– А ты... ты не собираешься на мне жениться?

Он рассмеялся:

– Жениться на тебе? Да ты что?

Кейт сжалась, как от пощечины, но его уже было не унять:

– Только полная идиотка могла так залететь! Сама небось еле дождалась, чтобы залезть ко мне в штаны!

Кейт задохнулась:

– Неправда!

– Ой, скажите на милость: невинная жертва! Слушай, что я говорю. – Томас постучал себя кулаком в грудь. – Есть только один выход: надо избавиться от ребенка.

Бледное лицо Кейт стало серым.

– Нет, прошу тебя. Я не хочу идти на аборт.

– Денег нет? Тебе нужны деньги? Как я раньше не сообразил! – Он вытащил из заднего кармана бумажник и протянул ей несколько банкнот. – Вот, держи.

Кейт отшатнулась.

– Нет, не могу... Не возьму... Прошу тебя, подумай как следует.

– Ты сама подумай как следует. Я уже все решил.

Она инстинктивно положила руку на живот, словно ограждая ребенка.

– Хорошо, я подумаю. Обещаю тебе.

– Ну, смотри у меня. А теперь поехали домой.

Глава 9

Шли дни. Кейт мучила себя до изнеможения. Беременность отгородила ее от одноклассников, хотя она понимала, что пока еще никто не догадывается о ее положении. Энджи старалась вести себя как ни в чем не бывало, но это у нее не всегда получалось.

Однако было кое-что пострашнее неминуемого презрения ровесников. Она до сих пор ничего не сказала родителям и постоянно жила в смертельном страхе, что они узнают сами. Да еще Томас... В школе она старалась не попадаться ему на глаза. Он ждал ответа и со дня на день мог его потребовать.

Так оно и вышло. Однажды утром Кейт вышла из автобуса и увидела его. Рядом с ним был его дружок Уэйд. Судя по их злым раскрасневшимся лицам, они о чем-то спорили.

Кейт собрала в кулак всю свою волю и пошла прямо, не сворачивая. Все равно Томас уже заметил ее.

Он бросил что-то напоследок Уэйду и направился к ней. Кейт невольно залюбовалась его ладной фигурой, обтянутой джинсами и ярко-красной рубашкой. Она напрасно ждала, что его точеное лицо озарится улыбкой: этого не произошло.

– Привет, – сказала она, пытаясь изобразить жизнерадостность.

– Ну как, уладила свои дела? – Томас остановился в двух шагах от нее.

Кейт прижала к груди стопку тетрадей и посмотрела в его темно-карие глаза, надеясь заметить хоть искорку тепла.

– Нет... пока нет...

– Что ж ты тянешь? Пусть мать Энджи тебе все устроит, раз у нее есть знакомый доктор. – Томас потянулся за бумажником. – На нужную сумму можешь рассчитывать.

Кейт отвела глаза, чувствуя смертельный холод.

– Понимаешь, я... не могу.

Он приблизился и провел пальцем по ее щеке. От этого неожиданного жеста у нее брызнули слезы.

– Ну что ты, что ты, – заговорил он тихо, с интимной хрипотцой в голосе. – Все будет хорошо, вот увидишь. Как только ты сделаешь то, что надо, мы с тобой начнем все сначала. – Его палец скользнул по ее щеке, потом опять вверх по щеке. – Нам вдвоем будет еще лучше, чем прежде. Ты ведь этого хочешь?

Кейт задрожала, почувствовав знакомое влажное тепло внизу. Ей была ненавистна собственная беспомощность, которая накатывала на нее в присутствии Томаса, и все же она его любила. Видит Бог, ей больше всего на свете хотелось, чтобы им вдвоем было лучше, чем прежде. Но пойти на аборт...

– Ты меня не разлюбил?

– Ну что ты, как можно, – протянул он и улыбнулся. – Ты девушка моей мечты.

– О, Томас. – Как ей хотелось ему верить. Без этой веры невозможно существовать, особенно теперь, когда у нее внутри зарождается новая жизнь.

Его палец коснулся ее нижней губы.

– Не откладывай. – Его глаза потемнели. – Я на тебя надеюсь. Зачем нам пеленки и соски, когда вся жизнь впереди?

Прикосновение Томаса, его голос, его взгляд завораживали Кейт.

– Ответь, ты сделаешь то, что надо?

Кейт глотала слезы.

– Если ты так хочешь... если так будет лучше...

– О, малышка, я уверен, что так будет лучше – для нас обоих. Клянусь, ты не пожалеешь. – Он наклонился и поцеловал ее в губы. – Скажешь мне, когда с этим будет покончено.

– Разве ты не поедешь со мной?

Томас опустил руку и выпрямился, как пружина.

– Нет, малышка, это ни к чему. Зачем мне там отвешивать? Да что ты нервничаешь: аборт в наши дни – пара пустяков.

Аборт. Опять это жуткое слово. Оно сверлило Кейт, как бурав.

– Все равно страшно, – выговорила она, – лучше бы ты был рядом.

Он скривился:

– Нет, мне это не с руки. Управишься сама. Ты же не маленькая.

С этими словами он повернулся и пошел прочь. До Кейт не сразу дошло, что он насвистывает веселый мотивчик.

– Девочки, еда готова!

Голос Роберты донесся до комнаты, где Энджи показывала Кейт новый косметический набор. После разговора с Томасом Кейт не могла заставить себя отправиться домой; Энджи сжалась над ней и пригласила к себе.

Роберта вернулась из клиники раньше обычного и приготовила им перекусить.

– Спасибо, мама, очень вкусно пахнет! – воскликнула Энджи, усаживаясь за стол.

Роберта обратилась к Кейт:

– Садись рядышком. Ты бледная как полотно. Как самочувствие?

– Прекрасно, – улыбнулась Кейт одними губами. – Приступы, можно сказать, прекратились.

Энджи придвинула ей попкорн:

– Бери побольше. Я всегда говорю: помогает от всех болезней.

– Будем надеяться.

Роберта вздохнула, переводя взгляд с дочери на ее подругу:

– Энджи, ты ей сказала?

Кейт застыла, не донеся ложку до рта. Невеселый тон Роберты предвещал дурные вести.

– А что такое?

Энджи нехотя ответила:

– Мы переезжаем.

Кейт открыла рот от неожиданности.

– Переезжаете? Куда?

– В Нью-Браунфелс.

Кейт выронила ложку.

– Не может быть...

– Послушай, не сходи с ума. – Энджи вскочила и обняла ее. – Ты сможешь у нас бывать хоть каждый день. До Нью-Браунфелса рукой подать: час езды на машине.

Роберта сжала похолодевшую руку Кейт:

– Наш дом для тебя всегда открыт. Ты мне как вторая дочь.

– Как же... как же так... – Кейт поняла, что судьба нанесла ей еще один удар.

– Мне предложили место старшей медсестры, – объяснила Роберта. – Это завидная должность, от нее нельзя отказываться.

– Да, конечно. – Кейт умом понимала Роберту, но сердце ее кровоточило. Ей было страшно представить, во что превратится ее жизнь, когда рядом не будет Энджи.

– Кейт, дорогая моя девочка, – снова заговорила Роберта, – больше нельзя откладывать. Надо сказать родителям о ребенке. Теперь я настаиваю на этом.

Кейт даже не пыталась смахнуть слезы. Какие еще испытания готовит ей жизнь?

– Обещай мне, что поговоришь с ними.

Кейт глубоко вздохнула и выпрямилась, но ее глаза наполнились страхом и скорбью.

– Обещаю, – только и сказала она.

«Наберись храбрости, – шептала себе Кейт, – ты же обещала миссис Стрикленд».

Но как она ни старалась собраться с силами, все было без толку. Ей вспомнился библейский пророк Даниил, которого бросили в ров со львами. Наверное, ей было бы легче ступить в ров со львами, чем войти в кухню, где мать готовила ужин. Отец еще не вернулся с поля.

Кейт не видела Энджи уже две недели. Роберта получила желанное место, не мешкая продала дом и уехала с дочерью в Нью-Браунфелс. Энджи нравилась новая школа, Роберте нравилась новая клиника. Кейт радовалась за них обеих, но невыносимо скучала. За это время она выплакала все глаза.

Она помнила о своем обещании. Отступать было некуда. Через шесть месяцев ребенок должен был появиться на свет.

Она решила для начала поговорить с матерью наедине, чтобы заручиться ее поддержкой. Решение далось ей нелегко: Мейвис подчас вела себя непредсказуемо.

Кейт переступила порог кухни и остановилась, чтобы собраться с духом.

– Мама, – окликнула она.

Мейвис помешивала в чугушке горох. При виде дочери на ее изможденном лице мелькнуло подобие улыбки.

– Я-то думала, ты уроки учишь.

– Уже выучила. Помочь тебе с ужином?

– Нет, у меня все готово.

– Мама, мне надо тебе сказать одну вещь.

Мейвис прищурилась:

– Неужели двоек нахватала? Смотри, отец тебе задаст.

– Нет, с учебой все в порядке.

– Так в чем же дело?

– Мама, у меня будет ребенок.

Половник с грохотом упал на плиту. Мейвис обхватила себя руками и издала тихий, сдавленный стон.

– Мамочка, что с тобой? – Кейт бросилась к ней, чтобы усадить на колченогий стул, а потом опустилась перед ней на колени.

Мейвис в ужасе смотрела на дочь.

– Как ты могла? – твердила она. – Как ты могла?

Кейт готова была провалиться сквозь землю. Она зажала рот ладонью, чтобы не закричать в голос. Пути назад были отрезаны. Оставалось пройти через эту пытку.

– Прости меня, мамочка... – У Кейт перехватило дыхание, и она не сразу смогла заговорить снова. – Умоляю тебя, не сердись.

– Ой, доченька моя, – причитала Мейвис, раскачиваясь, словно заведенная.

Кейт слышала, как хлопнула задняя дверь и в коридоре раздались тяжелые шаги. Она замерла от ужаса, хотела подняться, но ноги не слушались ее.

В дверях показалась массивная фигура Эммитта Колсона. В его присутствии и без того небольшая кухня стала совсем тесной. Повисло грозное молчание: было слышно, как бьются сердца. Неизвестно, чье стучало громче: израненное сердце Кейт или полное ужаса сердце ее матери.

– Почему ужин не подан? Чем вы тут занимаетесь?

Сама не зная как, Кейт поднялась на ноги и прильнула к матери, коченея от страха.

В глазах отца метался бесовский огонь. Слова звучали невнятно. Лицо покраснелось. Неужели он опять пил? Кейт не впервой было видеть такое его состояние. Если он еще не приложился к бутылке, то не замедлит это сделать. Пытаясь совладать с собой, Кейт невольно

посмотрела на его рабочие брюки, в которых он собирался сесть за стол: они были заляпаны грязью и застарелыми объедками. Кейт отвернулась. Ее мутило.

Мать с отрешенным выражением лица поднялась со стула.

– Вроде ты сегодня пораньше?

– Ну и что с того? Могу я узнать, что происходит в моем доме?

– Так... ничего.

Его лицо горело злобой.

– Врать мне вздумала? Я тебя накажу, а потом еще Господь накажет.

– Мама...

– Молчи, дочка, – сказала Мейвис, заслоня собой Кейт. – Мы тут говорили о своем.

Лицо Эммитта налилось кровью. Он отшвырнул стул, стоявший у него на пути, и ринулся вперед с занесенным кулаком.

– Папа, не надо! – Сдавленный крик Кейт заставил его остановиться. – Это я виновата, что у мамы ужин не готов.

– Что-о?

Весь его облик дышал яростью. Но Кейт не могла допустить, чтобы мать взяла вину на себя.

– Папа...

– Нет, дочка, молчи, прошу тебя, – вырвалось у Мейвис хриплым шепотом. Кейт поймала на себе ее взгляд и замерла: в материнских глазах она увидела любовь.

Этот быстротечный миг доказал, что мать ее любит. Кейт всегда тосковала по любви; ей хотелось, чтобы ее обняли, приласкали, шепнули доброе словечко. Дома она не видела этого, но все-таки Мейвис любила свою дочь. Кейт навсегда запомнила тот миг. Он придал ей силы.

– Будете отвечать или нет? – Эммитт подступил к ним вплотную и сжал кулаки.

– Папа, у меня будет ребенок.

У Эммитта отнялся язык. Он безмолвно шевелил губами, не произнося ни звука, потом размахнулся и отшвырнул Кейт к стене. От удара ее пронзила острая боль.

– Господи Боже мой, – бормотала Мейвис, семена к дочери.

– А ну стой! – зарычал Эммитт, и Мейвис остановилась как вкопанная. – Только попробуй подойди к ней! Господь поразит тебя на месте. Она перед ним – грязь.

У Кейт кухня плыла перед глазами. Держась за стену, она с трудом поднималась на ноги. Эммитт ринулся к ней.

– Не тронь ее! – отчаянно закричала Мейвис.

Опешив, Эммитт резко обернулся. Кейт впервые в жизни услышала, чтобы мама сказала ему хоть слово поперек. Судя по всему, Эммитт тоже слышал такое впервые.

– Я не стану об нее руки марать. Много чести будет этой потаскухе. – Глядя на Кейт, он злобно прищурился. – Собирай свое барахло и убирайся вон. – Он сплюнул на пол. – Чтоб больше я тебя не видел – ни тебя, ни твоего выродка.

Мейвис съежилась на стуле и безутешно рыдала.

– Эммитт, одумайся! – выговорила она сквозь слезы.

– Молчать! Не то вышвырну и тебя вслед за ней.

Кейт еле добралась до порога и обернулась:

– Мама, давай уйдем вместе.

– Не мешкай, дочка, делай, что папа сказал.

Спотыкаясь и горько плача, Кейт зашпешила по коридору.

Сборы были недолгими. Она вытащила из шкафа потрепанный матерчатый саквояж и побросала в него свои не многочисленные пожитки.

Когда она нашла в себе силы вернуться в кухню, родителей там уже не было. Ее дрожащие пальцы с трудом набрал номер.

– Энджи, – зарыдала она в трубку, – помоги мне.

Глава 10

Спустя два дня в дверь дома Роберты Стрикленд вошел Томас. Кейт теперь жила здесь. Миссис Стрикленд обратилась к ней только с одной просьбой: встретиться с Томасом и принять окончательное решение по поводу ребенка.

Накануне Роберта предложила, что они с Энджи уйдут из дома, чтобы не мешать этому разговору, но Кейт не согласилась. Зная горячий нрав Томаса, она предпочитала, чтобы Энджи с матерью были рядом с ней.

Кейт сидела в гостиной. Томас с непроницаемым лицом стоял перед ней спиной к камину. Он был, как всегда, великолепен: ему очень шли джинсы и серо-голубая рубашка. Волосы слегка растрепались, словно он забыл их расчесать, но Кейт подумала, что от этого он становится только привлекательнее.

Сама она выглядела далеко не лучшим образом, хотя надела лиловые брюки и нарядную блузку – последний подарок Роберты. Это не помогло. Она чувствовала, что похожа на жалкую серую мышь.

Когда их глаза на мгновение встретились, у Кейт екнуло сердце. Она едва удержалась, чтобы не вскочить и не броситься ему на шею. Однако холодное равнодушие Томаса не располагало к этому. Он прислонился к каминной полке и всем своим видом изображал скуку.

Кейт вся напряглась. Она боялась, что ей станет плохо, но не из-за ее положения, а из-за близости Томаса, который отгородился от нее непробиваемой стеклянной стеной.

– Ну, Кейт, в чем дело? – нетерпеливо спросил он, враждебно оглядывая всех троих.

Она прекрасно понимала, каково ему сейчас. Он чувствовал, что основательно влип, и хотел поскорее покончить с неприятным разговором.

Как Кейт и предполагала, он согласился на эту встречу с крайней неохотой. Когда она позвонила, Томас, не давая ей раскрыть рта, спросил, сделала ли она аборт. Она отказалась обсуждать это по телефону и решительно потребовала скорейшей встречи.

Ему пришлось согласиться. Кейт предвидела, что его насторожит присутствие Роберты, и не преминула подчеркнуть, что на этом разговоре настояла миссис Стрикленд.

– Кейт, милая, скажи ему все что собиралась. – Голос Роберты прервал затянувшуюся паузу.

– Что же ты собиралась мне сказать? – поторапливал Томас.

– Собиралась сказать, что... я... не пойду на аборт.

В комнате снова наступило тягостное молчание. Казалось, никто из них не слышит даже шума проносящихся мимо дома машин.

Неожиданно для всех на лице Томаса заиграла кривая улыбка.

– Я обо всем рассказал своему старику.

– Кому-кому? – В тоне Роберты сквозило ледяное неодобрение.

– Ну, моему папе.

– Так-то лучше, – сказала Роберта.

– Что конкретно ты ему рассказал? – спросила Кейт.

– Что ты ждешь ребенка.

Кейт широко раскрыла глаза:

– Неужели?

– Ага.

– Ну... и как же... – Кейт заикалась от неожиданности. Она считала, что с отцом Томас ни за что не станет делиться. – Почему ты решил посоветоваться именно с ним?

Глаза Томаса блеснули враждебным огоньком.

– Догадывался, что ты выкинешь такой номер. Девчонкам вообще нельзя доверять, и ты ничем не лучше других.

– Ну и гад! – еле слышно прошептала Энджи.

Роберта резко повернулась к ней:

– Придержи язык.

Томас не стерпел:

– А ты вообще заткнись, Энджи.

– Немедленно прекратите оба! – Голос Роберты звенел от гнева. – Энджи, еще одно слово – и я тебя выставлю.

– Ладно, молчу.

Томас победно ухмыльнулся и перевел взгляд на Кейт.

– Мне потребовалось прикрыть... – Он запнулся, стрельнул глазами в сторону Роберты, кашлянул, но продолжил: – Прикрыть задницу, вот и пришлось ему сказать. Куда было деваться?

– И что он тебе ответил? – спросила Кейт, сцепив руки на коленях.

– Пообещал найти подходящую семью. У него в приходе есть бездетные муж с женой, они давно хотели усыновить ребенка, да все случая не было.

Такого Кейт никак не ожидала. Энджи переглянулась с матерью.

– Что он еще сказал? – недоверчиво спросила Кейт. Она не могла представить себе, что преподобный Дженнингс так спокойно воспринял это известие.

Томас пожал плечами:

– Сначала разбушевался, потом пришел в чувство и вспомнил про эту семью.

– Что ж, – вмешалась Роберта, – это, как мне кажется, вполне разумное решение.

Кейт сжимала и разжимала пальцы. Ей страстно хотелось, чтобы Томас хоть как-то проявил тепло и сочувствие. Однако на его лице по-прежнему не отражалось ровным счетом ничего. Может быть, оставшись с ним наедине, она когда-нибудь сумеет достучаться до него через эту невидимую стену.

– Кейт, девочка моя, – снова заговорила Роберта, – если у тебя остаются хоть малейшие сомнения, можно проконсультироваться у специалистов. У нас в клинике есть юристы...

Кейт отрицательно покачала головой и обратилась к Томасу:

– А как ты сам смотришь на то, чтобы отдать ребенка в чужую семью?

Его взгляд резал ее, как острый нож.

– Ты мое мнение знаешь. Я считал, что надо делать аборт. – Поймав взгляд Кейт, он поспешно добавил: – Но усыновление – это тоже выход.

Кейт почувствовала, что заливается краской. Роберта направилась к двери и жестом позвала Энджи за собой, не обращая внимания на ее протестующие гримасы.

– Мы выйдем, чтобы вы поговорили наедине.

– Когда мы теперь увидимся? – спросила Кейт, когда они с Томасом остались одни.

Томас снова пожал плечами:

– В ближайшее время вряд ли. – Словно почуяв, что сморозил не то, он торопливо поправился: – Впрочем, как-нибудь на днях постараюсь выкроить часок. Может, в кино сходим или еще куда-нибудь.

– Я бы с радостью, – робко откликнулась Кейт.

Томас переминался с ноги на ногу.

– Слушай, мне пора. Пока я еще доберусь в Фор-Корнерс – поздно уже.

– Понимаю, – прошептала Кейт.

Он снова замялся и сунул руки в карманы.

– Так я позвоню, договорились?

– Договорились.

Когда за ним закрылась дверь, Кейт запрокинула голову и дала волю слезам. Ей впервые пришло в голову, что она, Томас и ребенок могли бы стать настоящей семьей. После этой встречи она поймала себя на том, как ей дорог Томас. Может быть, он все же решит обвенчаться с ней.

К моменту рождения ребенка ей еще не исполнится семнадцати. Но ведь бывают случаи, когда девушки выходят замуж в шестнадцать лет. Если бы и она могла так же решить свою судьбу, тогда не пришлось бы отдавать ребенка чужим людям.

Она лелеяла надежду, что Томас, увидев новорожденного малыша, смягчится и будет любить их обоих.

В комнату заглянула Энджи:

– Ну что, уехал?

Кейт открыла глаза и кивнула.

– Ты никак спала?

Кейт тряхнула головой и вытерла слезы.

– Принести тебе попить? – спросила Энджи, не решаясь войти.

– Нет, спасибо, может быть, немного погодя.

– Ну хоть поболтать-то с тобой можно?

Впервые за все это время Кейт улыбнулась и похлопала по дивану рядом с собой:

– Поболтать можно!

Глава 11

Октябрь выдался ясным. Стояла по-летнему солнечная погода, только по ночам веяло холодом. Леса в Хилл-Кантри полыхали осенними красками. В воздухе витал легкий аромат дубовых поленьев.

Кейт примостилась на качелях на заднем дворе. Из гостиной тянуло все тем же легким дымком от жарко натопленного камина. Все утро Кейт не могла отвести глаз от мерцающих красно-желтых угольев.

Роберта не советовала ей выходить на улицу, но Кейт жаль было упускать последние солнечные деньки. Она и так засиделась в доме.

Поплотнее запахнув пальто, Кейт наблюдала за дроздами, резвившимися в кроне векового дерева. Но даже это зрелище не отогрело ее замерзшего сердца.

Сегодня, в субботу, Томас должен был прийти за ребенком. Чуда не произошло. Томас не проявил никакого интереса к малышке, появившейся на свет три дня назад. Он даже не приехал в больницу, когда доктор с помощью Роберты принимал у Кейт роды.

От этих воспоминаний Кейт внутренне сжалась. Она всегда боялась больниц. Отец внушил ей, что болезни – это блажь, а врачи – исчадие ада. Когда у нее начались схватки, она умоляла Роберту, чтобы та разрешила ей рожать дома, но Роберта и слушать не желала, опасаясь осложнений.

Предчувствие ее не обмануло. Осложнения оказались довольно серьезными, и доктор сказал, что больше она не сможет иметь детей.

Роберта и Энджи заплакали, а Кейт не проронила ни слезинки. Она чувствовала себя совершенно опустошенной, но знала, что раны тела заживут, а душевные раны будут терзать ее всю жизнь.

Из ее груди вырвался глухой стон. Ей хотелось забыться, чтобы не думать ни о прошлом, ни о будущем. Но настоящее не отпускало ее.

Кейт сменила позу и поморщилась. Любое движение давалось ей с трудом. Поскорее бы снова набраться сил.

В доме зазвонил телефон. Ее сердце учащенно забилося: может быть, звонит Томас – сказать, что он передумал? Она вся превратилась в слух, когда Роберта сняла трубку, но оказалось, что звонили из клиники. В Техасе свирепствовала эпидемия гриппа, и Роберту уже дважды с утра вызывали на работу. Кейт молила Бога, чтобы болезнь миновала ее малышку.

Осеннее солнце ласкало кожу. Кейт закрыла глаза, но не могла успокоиться. Ей вдруг нестерпимо захотелось повидать маму. После того как отец выгнал Кейт из дому, она звонила Мейвис всего три раза. Разговора не получалось. Мейвис по-своему любила ее, но не настолько, чтобы пойти против воли мужа.

– Кейти! – Она не слышала, как подошла Роберта.

Кейт встрепенулась:

– Что? Томас приехал?

– Его пока нет, но мне надо съездить в клинику.

– Знаю, – кивнула Кейт, – вам позвонили.

– Скажи, ведь преподобный Дженнингс тоже приедет?

– Вроде бы обещал. Во всяком случае, Томас так сказал.

Роберта посмотрела на нее с беспокойством.

– Пусть они меня дождутся. – Она посмотрела на часы. – Я долго не задержусь.

Кейт от души желала, чтобы на Роберту не свалилось слишком много дел. От нее не укрылось, что мать Энджи буквально выбивалась из сил.

– Ты уверена, что тебя можно оставить без присмотра?

– Конечно.

Роберта нагнулась и поцеловала ее в щеку:

– Родная моя, я знаю, как тебе горько. Будь моя воля, я бы от тебя не отходила ни на шаг. – Она помолчала. – Как на грех, Энджи тоже не будет дома. Она договорилась сегодня и завтра немного подработать. Они с классом отправляются в поездку, ей нужны карманные деньги. – Роберта нахмурилась. – Впрочем, я... пожалуй, договорюсь, чтобы меня подменили.

– Нет, ни в коем случае.

Роберта еще раз поцеловала ее. Кейт почувствовала у себя на щеке ее слезы.

Когда Роберта ушла, Кейт снова закрыла глаза и крепко стиснула зубы. Оставалось только ждать.

Кейт сидела на диване в гостиной, держа на руках ребенка, когда раздался звонок в дверь. Она прижала к себе спящую малышку и заставила себя откликнуться:

– Сейчас открою.

Она посмотрела на крошечное милое личико. Сэйра. Так она про себя звала девочку. Как же отдать ее бог весть кому, чтобы никогда больше не прижать ее к груди, не покачать, не поцеловать? Но она дала слово. Да разве у нее был выбор? Разве ей под силу одной поднять ребенка?

Появление Томаса вывело ее из задумчивости, но смысл его слов с трудом доходил до ее сознания. Томас приехал один.

Кейт почувствовала неладное.

– Где твой отец?

– Он сегодня занят.

– Но он...

Томас не слушал ее.

– Ребенка приговорила?

Неужели больше ему нечего было ей сказать? Кейт пришла в отчаяние. Неужели он даже не обнимет ее? Неужели ему неведома боль?

Томас возвышался над ней. Кейт подняла на него глаза и вымученно прошептала:

– Смотри, какая она красавица.

Сэйра родилась маленькой, менее шести фунтов, но у нее были на удивление правильные черты лица и большие карие глаза, как у Томаса.

Томас едва взглянул на ребенка и пожал плечами:

– Наверное, раз ты так считаешь.

– Томас, как же мы отдадим нашего ребенка чужим людям?

– Это не наш ребенок. И никогда не был нашим.

Его равнодушие больно резануло Кейт.

– Как можно так говорить?

Томас только покачал головой:

– Короче: мой отец подыскал для нее подходящую семью.

– Нет! – вырвалось у Кейт.

– Все будет хорошо, обещаю тебе, – вкрадчиво увещевал Томас, избегая смотреть ей в глаза, – и папа тоже ручается. Ты же знаешь, священники всегда говорят правду.

– Мне... нам с тобой будет известно, кто ее удочерил?

– Думаю, нет. Папа считает, что это ни к чему. И потом, существует такая штука, как тайна усыновления. По-моему, эти муж с женой живут в Эль-Пасо. Когда-то они посещали нашу церковь.

– Но я не переживу, если...

– Переживешь. – Терпение Томаса иссякло. – Это единственный выход для нас обоих.

Слезы застилали ей глаза.

– О, Томас!

– Послушай, доверь это дело мне. – Он сел рядом и положил руку ей на плечо, старательно избегая ее взгляда. – Я тоже жалею нашу малышку. – В его голосе появились фальшивые нотки. – Но через несколько лет, когда мы получим образование и поженимся, у нас будут еще дети.

Эти слова кольнули ее в самое сердце. «У нас не будет больше детей!» Однако она не смогла произнести эти страшные слова. Сэйра заполнила ее душу и сердце. Если Томас заберет ее, пустота останется навсегда.

Кейт стоило невероятных усилий сдержать рыдания.

– Я доверяю тебе, но пока не придет твой отец, ребенка я не отдам. Кстати, миссис Стрикленд сказала, чтобы ты ее непременно дождался.

Томас помрачнел и вскочил с дивана:

– Некогда мне ее дожидаться. Я тороплюсь.

– Куда?

– По делам.

– Почему не приехал твой отец?

– У него времени нет. А я на работу спешу.

– В таком случае приезжай после работы.

– У меня дела.

– Раз так, я поеду с тобой.

– Еще чего! – взъелся Томас.

Кейт отшатнулась.

– Что ты кричишь? – У нее задрожали губы.

– Ну извини. Ты еле держишься на ногах – куда тебе ехать?

Кейт хотелось думать, что он беспокоится о ее здоровье, но она чувствовала, что это не так. Она не понимала Томаса: он был с ней то ласков, то груб.

– Миссис Стрикленд сказала...

– Мне-то что до нее! – Томас собрался с духом. – Давай сюда ребенка.

– Нет, не отдам, пока ты не приедешь с отцом, – сказала Кейт сквозь сжатые зубы.

– Отдашь и так, – отрезал Томас. – Я забираю ребенка, вот и все. И ты меня не останавлишь.

Кейт знала, что так оно и есть: она бессильна его остановить. Настал миг, которого она ожидала со страхом и трепетом. Ее охватил ужас.

Томас схватил сумку с детскими вещами, перебросил ремешок через плечо и протянул руки.

Кейт отступила назад и прижала к себе дочку.

– Давай ее сюда. – Томас грубо вырвал у нее девочку.

– Нет! – отчаянно закричала Кейт, цепляясь за его рукав. Томас быстро зашагал к выходу. Кейт хотела закричать, чтобы он остановился; она была готова на все, лишь бы он не забирал ребенка. Но голос не слушался ее.

Томас ногой распахнул дверь и с грохотом захлопнул ее за собой. Только тут Кейт пришла в себя. Она бросилась вслед за ним и услышала, как хлопнула дверца машины.

Кейт повернулась и побежала к детской кроватке. Простыня еще хранила след крошечного тельца. Ей не верилось, что кроватка навсегда останется пустой, что ей не суждено больше увидеть свое дитя.

В ногах кроватки сиротливо притулился маленький плюшевый мишка. Кейт схватила его и крепко прижала к груди. Не в силах больше сдерживаться, она зарыдала в голос.

– Сэйра, – повторяла она, сползая на пол.

Кейт закусила губу и не сразу почувствовала вкус крови.

– Кейт, ау, где ты?

Она слышала, как хлопнула дверь, но не нашла мужества даже откликнуться.

– Кейт! – еще раз позвала Роберта.

Кейт не отзывалась.

Роберта вошла в гостиную, на ходу снимая пальто и сбрасывая туфли.

– Ах, вот ты где, – удивилась она. – Я неслась как угорелая. Слава Богу, я опередила Томаса... – Роберта осеклась, заметив пустую кровать.

– Моего ребенка нет, – тупо и безжизненно сказала Кейт. – Томас забрал.

– Они с отцом уже были здесь?

Двигаясь, как автомат, Кейт поднялась с пола и встала лицом к Роберте.

– Нет, Томас приезжал один.

– Что?!

Кейт рассказала ей, как было дело, умолчав о том, что Томас отнял у нее ребенка силой. Роберта тяжело вздохнула и присела на краешек дивана.

– Вот негодник, не дождался меня. Я еще до него доберусь. Но преподобный Дженнингс наверняка сделал все, как обещал. – Она задумалась. – И все же мне будет спокойнее, если я проверю.

Кейт молчала. Ее душили слезы.

Роберта набрала номер.

Повесив трубку, она озадаченно сказала:

– Как странно.

– Что случилось? – У Кейт расширились глаза. – Что-то с ребенком?

– Нет, нет, – поспешила успокоить ее Роберта, – просто преподобного не было дома, и я задала свой вопрос миссис Дженнингс. Она сначала словно язык проглотила, а потом принялась меня уверять, что уже все в порядке и беспокоиться больше не о чем.

Кейт будто бы не слышала ее.

– Вы знаете, девочка даже не заплакала. – У нее дрожали губы.

– Она у нас стойкий солдатик, вся в маму. – Роберта смахнула слезу. – Как ты себя чувствуешь? Может, чего-нибудь тебе принести?

– Нет, ничего не нужно. Мне хочется только побыть одной.

– Понимаю. Мы с тобой поговорим о наших делах попозже.

– Миссис Стрикленд, я люблю вас. И Энджи.

– Мы это знаем, – тихо и ласково сказала Роберта. – Мы тебя тоже любим.

Когда за ней закрылась дверь, Кейт рухнула на диван и зарылась лицом в подушку. Она знала, что этот день всегда будет витать над ней страшной тенью.

Глава 12

– Как ты себя чувствуешь?

Кейт неотрывно смотрела на дорогу, но вопрос Энджи вывел ее из задумчивости. Машина неслась по безлюдной дороге.

– Ты хочешь сказать, как я себя чувствую при возвращении домой?

Прошла неделя с того дня, как Томас забрал ребенка. Эта потеря нанесла ей незаживающую рану, которая с каждым днем кровоточила все сильнее. Она молилась, чтобы Господь исцелил ее душу, иначе невозможно было жить дальше.

Учебный год давно начался. Она возвращалась в Фор-Корнерс, в родительский дом, в свою школу.

– Да, именно об этом я и спрашиваю.

– Сказать тебе правду?

– Ну конечно!

– Еду, как на казнь, – сказала Кейт с несвойственной ей горечью.

Энджи надулась:

– Можно подумать, тебя кто-то гонит. С чего ты надумала возвращаться? Моя мама тебя за уши оттащила, что ли?

– Ох, Энджи, – вздохнула Кейт, – все не так просто, и ты это знаешь.

– По мне, так все очень даже просто. Ты с нами жила как в родном доме и ни с того ни с сего надумала уехать.

– Ты забыла, что звонила моя мама?

– Нет, не забыла, а жаль!

Кейт и сама предпочла бы об этом забыть. У нее в ушах все еще звучал голос Мейвис – жалостный, безнадежный. Она звонила в тот самый день, когда Томас забрал ребенка. Когда Кейт повесила трубку, Роберта всполошилась:

– Что такое, девочка моя? На тебе лица нет.

– Мне придется поехать домой, – ответила Кейт с дрожью в голосе. – Мама... получила травму.

– Боже! Что случилось?

– Она обварилась кипятком. Ошпарила руку.

– Ужасно.

– Придется мне...

Роберта перебила ее:

– Боюсь, мне не удастся тебя отговорить, как бы я ни старалась.

Кейт расправила плечи, пытаясь взять себя в руки.

– Да, вы правы, миссис Стрикленд.

Кейт решила еще раз посмотреть в лицо подруге. Энджи сжала губы в жесткую прямую линию.

– Энджи, пойми, дело даже не в том, что мне позвонили из дому. Сколько можно сидеть у вас на шее? Вы с мамой и так сделали для меня достаточно – более чем достаточно. Когда я пришла в вашу семью перед... рождением ребенка... – Эти слова всякий раз причиняли ей боль. – Я думала, что это ненадолго.

– Но ведь тебе некуда было деваться, верно?

– Да, верно.

– Как я понимаю, тебе и сейчас некуда идти.

– Энджи, прошу тебя, дай мне договорить.

Энджи пожала плечами и демонстративно уставилась на дорогу.

– Сейчас я нужна маме, а отец... мама говорит, он меня не прогонит.

– Подумать только, какое великодушие!

Неподдельное возмущение Энджи вызвало у Кейт слабую улыбку.

– С его стороны – пожалуй, да.

Энджи фыркнула. В другое время Кейт рассмеялась бы, но в последние дни она отвыкла даже улыбаться.

С большой неохотой возвращалась она в Фор-Корнерс, но другого выхода не было. Роберта настаивала, чтобы она съездила домой лишь на пару дней, провела Мейвис, а потом вернулась бы к ним в Нью-Браунфелс и там окончила школу. Но самолюбие не позволило Кейт согласиться на это. Она и так слишком долго злоупотребляла их добротой и до крайности осложнила им жизнь. Надо было с этим кончать. Всему есть предел.

Кроме всего прочего, жизнь под одной крышей сказалась на их отношениях с Энджи. После рождения ребенка напряжение не исчезло, скорее наоборот. Иногда Кейт казалось, что Энджи избегает оставаться с ней вдвоем.

Но самое главное, что заставляло ее вернуться в Фор-Корнерс, – это Томас. Она решила выяснить раз и навсегда, какое место он отводит ей в своей жизни; она должна была поговорить с преподобным Дженнингсом, чтобы убедиться, что он довел дело до конца, как обещал.

При первой же встрече с Томасом она намеревалась поставить вопрос ребром. Когда будут выяснены все недоразумения, жизнь вернется в прежнее русло – в этом она не сомневалась.

– Эй, ты меня слышишь? – позвала Энджи, когда у дороги мелькнул указатель «Фор-Корнерс».

Кейт стряхнула с себя задумчивость:

– Будь добра, сверни здесь направо.

Энджи метнула в ее сторону уничтожающий взгляд:

– С какой стати? К вашей ферме ехать по другой дороге.

– Знаю. Но мне надо зайти к Томасу.

– Кейт, ты в своем уме?

Лицо Кейт застыло.

– Энджи, прошу тебя, не начинай все сначала. Я и так знаю твое отношение к Томасу.

– Да он просто крыса. Странно, что ты сама этого не видишь.

– Он отец моего ребенка.

– Да уж, отец, нечего сказать: сначала гнал тебя на аборт, а потом еле дождался, чтобы сбить ребенка с плеч долой.

– Прекрати, Энджи, – прошептала Кейт, чуть не плача.

Энджи, держа руль одной рукой, сжала холодные пальцы Кейт.

– Не сердись. Это все мой дурацкий язык, ты же знаешь.

Кейт попыталась улыбнуться.

– Да, уж я-то знаю!

– Значит, мир и дружба?

– Ладно. Не в первый раз...

– Вообще-то я хорошая.

– Энджи, я буду ужасно скучать.

– Я тоже.

Они помолчали, погружившись в задумчивость. Наконец Энджи затормозила перед домом Дженнингсов.

– Приехали. – Энджи заглушила двигатель, повернулась лицом к Кейт и пристально посмотрела ей в глаза. – Что дальше?

Кейт облизала пересохшие губы.

– Подожди меня. Я на одну минутку.

– Кое-кто уже стоит у порога.

Кейт охнула и не сразу смогла открыть дверцу. Выбравшись из машины, она направилась по дорожке к дому. Томас встретил ее на полпути. От Кейт не укрылись стиснутые зубы и недобрый блеск в глазах. У нее упало сердце.

– Что тебе здесь надо? – спросил он без обиняков.

Она выдержала его взгляд.

– Мне надо с тобой поговорить.

Томаса прошиб холодный пот. Он воровато стрельнул глазами в сторону дома.

– Отойдем, а то предки увидят. – Он схватил ее за рукав, чтобы спрятаться за огромным дубом.

– Говори, – потребовал он, откидывая волосы со лба.

Мужество покинуло Кейт. Она думала, что разговор будет совсем не таким.

– Я вернулась домой. Насовсем. Хотела тебе сообщить.

– Ну, сообщила. Что дальше?

Кейт взяла себя в руки.

– Я хочу узнать о судьбе ребенка. – Ей не терпелось услышать все до мельчайших подробностей.

– Папа сделал, как обещал.

– Не сомневаюсь, но мне нужно знать, что это за люди.

Томас отвел глаза:

– Люди как люди.

– Это обеспеченная семья?

– Откуда мне знать? Отец не вдавался в детали.

– Тогда лучше мне спросить у него самого.

– Еще чего! – вспыхнул Томас. – И не вздумай подъезжать к нему за моей спиной. Тогда между нами все будет кончено.

– Томас, как у тебя язык поворачивается? Ведь мы дали жизнь крошечному, беззащитному существу.

Томас побледнел:

– Чтоб больше я об этом не слышал, понятно?

– Однако от этого никуда не деться, правда? – мягко сказала Кейт и дотронулась до его руки.

– Пусть так, но больше никогда об этом не заговаривай. – Он взял ее за руку и заговорил своим вкрадчивым, завораживающим тоном: – Пора возвращаться к нормальной жизни. Надо подумать о будущем.

– А как же...

– Считай, что ребенка больше нет. Придется с этим смириться. – Он посмотрел на часы:

– О, уже поздно. Мне пора идти. Я тебе на днях позвоню. – Томас наклонился и чмокнул ее в щеку.

Кейт с болью смотрела ему вслед. Она больше никогда не увидит своего ребенка. Томас примирился с этим; теперь ее черед. Ей, конечно, будет несравнимо тяжелее.

Кейт хотелось убежать, скрыться, побыть одной, но ее ждала Энджи. Не ровен час, подруга пойдет ее разыскивать.

Кейт собралась с силами и понуро побрела назад к машине.

Дома жизнь потекла как прежде. В первый день мать спросила Кейт о ребенке. Кейт рассказала ей, как было дело, но обе они испытывали неловкость от этого разговора, и Кейт зареклась впредь возвращаться к тем страшным испытаниям. Эммитт ни о чем не спрашивал,

и Кейт знала причину: он снова начал пить. Он довел мать до полного душевного изнеможения. Единственное, что утешало, – у Мейвис потихоньку заживала рука.

Кейт не могла поверить, что отец согласился принять ее назад. То ли под маской внешней жестокости в нем пробудилось сострадание, то ли мать впервые в жизни настояла на своем. Кейт склонялась к последнему, но не задавала лишних вопросов. Матери понадобилась ее помощь – чего же еще?

Кейт нашла работу в местной пиццерии; это было неплохим подспорьем. Вот только с Томасом так и не удалось выяснить все до конца. Кейт уже три дня ходила в школу, но с ним не встречалась.

Сейчас, выходя из класса после первого урока, она с беспокойством думала все о том же. Почему не видно Томаса? Она посмотрела на часы. Может, стоит после занятий пройти мимо его дома? Тогда придется сделать крюк, но сегодня она могла прийти в пиццерию попозже. Если повезет, то удастся поговорить и с преподобным Дженнингсом. Но Кейт заколебалась, помня о предупреждении Томаса.

Ее размышления были недолгими. С преподобным Дженнингсом она еще успеет встретиться, а пока надо выяснить, что с Томасом. В ее воображении возникали картины одна страшнее другой.

Она шла через школьный двор, когда дорогу ей преградил Уэйд Джексон. Она его терпеть не могла. Мало того, что на него смотреть не хочется, – она невольно отметила его толстый живот, на котором лопалась несвежая рубашка, – с ним и разговаривать противно. А каким гадким взглядом он посмотрел на нее!

– Кого я вижу! Вы ли это, наша недотрога, мисс Колсон!

Кейт сочла за лучшее не обращать внимания на его язвительность.

– Ты не видел Томаса?

– А тебе на что?

– Джексон, что ты из себя строишь?

Его лицо скривилось от презрения.

– А ты-то? Слишком много о себе понимаешь, а сама ничуть не лучше меня. Мы с тобой, дорогуша, из одной канавы.

– Иди, куда шел. – С этими словами Кейт повернулась и поспешила в другую сторону.

– Сдается мне, ты хотела узнать про своего милого дружка.

Кейт остановилась как вкопанная и резко обернулась:

– Если хочешь что-то сказать – говори.

– Нету его здесь.

– Это я и без тебя знаю.

Уэйд ухмыльнулся:

– Знаешь, да не все. Они вообще из наших мест уехали. Да-да, его старика перевели в другой приход; ну, он, как водится, и семью за собой потащил. – Он поскреб подбородок, словно желая насладиться произведенным эффектом. – Уж два дня, как они снялись.

Томас уехал? Не может быть! Разве он мог бы не проститься с ней?

– Как же он тебя не обнял на прощание? – Уэйд явно нравилось мучить ее.

Такого унижения Кейт еще не знала. После всего, что она пережила, у нее уже не было сил достойно вынести такое потрясение. Вместо того чтобы повернуться и уйти, она стояла без движения и выслушивала пошлые насмешки Джексона.

– Вот так-то, красотка. Небось теперь у тебя спеси поубавится. – Уэйд подступил ближе. – Ты еще со мной не гуляла. Много потеряла, между прочим. Я на тебя давно глаз положил.

Кейт сжалась. Уэйд действительно не раз звал ее пройти вдвоем. Кейт всегда отмахивалась от него: она даже не могла представить себя рядом с ним.

Приняв ее молчание за согласие, Уэйд подошел к ней еще ближе и дотронулся до ее плеча:

– Ну что, надумала?

Кейт с размаху ударила его по руке:

– Не смей ко мне прикасаться... ты... ты...

Уэйд грубо схватил ее за плечи и притянул к своему толстому животу, насмешливо скривив губы.

– Считаешь, я для тебя не хорош?

– Отпусти!

Дерзко хохотнув, он отпустил ее.

– Послушай, что я тебе скажу, дорогуша. Это Томас считал, что вы с твоим вырождением для него не хороши.

– Тебе... известно про ребенка? – Кейт была так убита, что едва шевелила губами.

– А то как же! Томас от вас еле ноги унес.

– Врешь! – закричала она. – Ты все это выдумал мне в отместку!

– Неужели? Тогда я тебе такое скажу, что упадешь, где стоишь. – Пучеглазое лицо Уэйда оказалось прямо у лица Кейт. – Никто твою малявку не усыновил.

– Замолчи! – снова закричала Кейт и зажала уши. Уэйд рывком опустил ее руки вниз, захлебываясь от хохота. – Да замолчи же ты! – Но ей уже было все равно.

– Нет, сначала я тебе все выложу. – Он не обращал внимания на ее протесты. – Бросил тебя твой дружок, а до этого бросил твою малявку, как мешок тряпья, в придорожном клоповнике.

Глава 13

Остин, штат Техас. Весна 1993 года

Кейт Колсон уверенно зарулила на стоянку и поставила свой «кадиллак» на обычное место, у таблички «Судья Кейт Колсон». Выключив зажигание, она несколько мгновений сидела неподвижно, не сводя глаз со слова «Судья».

Чтобы прийти к этой почетной должности, понадобилось девятнадцать лет каторжного труда. Назначение было неожиданным. Теперь, чтобы сохранить за собой кресло судьи, требовалось пройти через горнило выборов. Ей предстояло трудное время. На этот пост претендовало, кроме нее, несколько кандидатов-мужчин, неплохих специалистов своего дела. Но как только Кейт начинало казаться, что решимость ей изменяет, она заставляла себя вспомнить все годы упорного восхождения, за которые было заплачено дорогой ценой.

Чередой дней, недель и месяцев, тянувшаяся после страшной потери, не прошла бесследно. В день окончания школы Кейт уехала из родительского дома. Она усвоила жестокий урок. Как бы ни была ее жизнь, она должна уметь постоять за себя и за свои права, и прежде всего в том, что касалось мужчин. Она должна сама принимать решения.

Кейт ни разу не отступила от этих принципов. Она хорошо училась и получала стипендию, а в свободное от занятий время работала и успешно завершила основной курс университета в Остине. У нее нередко сосало под ложечкой, когда она вечерами укладывалась в холодную постель, но она знала, что должна многим жертвовать ради своего будущего. Неожиданная поддержка пришла от отца ее однокурсницы, славной и весьма обеспеченной девушки.

Сдержанный и благородный человек, Ричард Прайс ничем не напоминал ее родного отца. Эммитт Колсон совсем спился после смерти жены; Кейт училась тогда на первом курсе. Прайс ценил способности и упорство Кейт. Он предложил ей место секретаря в юридическом отделе одной из своих компаний. Она отработала там четыре года и получала приличные деньги, но скопить почти ничего не удалось: у ее отца случилось кровоизлияние в мозг, и все ее заработки уходили на его лечение и содержание в частной клинике.

Кейт решила специализироваться в юриспруденции. Ей нравилось ставить перед собой новые цели и добиваться их. Природная одаренность, диплом с отличием об окончании основного курса и блестящие рекомендации Ричарда Прайса помогли ей поступить на юридический факультет.

Через три года Кейт была принята в штат самой солидной юридической фирмы в Остине, «Джонс и Страссбери». Там-то на ее пути и встретился Харлен Мур, наиболее уважаемый клиент фирмы, влиятельный и преуспевающий торговец недвижимостью. Коллега Кейт, Дэйв Нильсен, попросил ее о помощи: он никак не мог разобраться с налогами, которые грозили пошатнуть империю Мура. Однако возмущению его не было предела, когда Кейт самостоятельно нашла способ сэкономить многие тысячи долларов. Когда Кейт вызвали к Харлену доложить о результатах, Дэйв был в отъезде. Впоследствии он проклинал ее на чем свет стоит за то, что она выставила его в невыгодном свете и тем самым нанесла ущерб его репутации.

С тех пор Дэйв ее невзлюбил, однако это не помешало продвижению Кейт по служебной лестнице. Руководство фирмы ценило ее знания и преданность делу. Вскоре она стала старшим партнером, а через несколько лет была назначена на пост судьи.

Харлен, который всегда старался заручиться расположением самых способных специалистов в разных сферах, поддерживал ее всеми способами – до тех пор, пока она не отказалась употребить свое влияние на другого судью, чтобы помочь Харлену выиграть крупное дело о земельных участках. Ее неповиновение вызвало у него такую ярость, что Кейт до сих пор с содроганием вспоминала тот день.

Он ворвался к ней в кабинет, когда все остальные судьи уже разошлись по домам. Кейт готовила документы для заседаний следующего дня. Дверь неожиданно распахнулась, и на пороге возник взбешенный Харлен Мур.

– Не слишком ли много вы на себя берете?

Он не то чтобы кричал, но был очень близок к этому. Кейт сжала губы и решила сначала дать ему выговориться. Харлен приблизился к ее столу.

– Я думал, что между нами достигнуто взаимопонимание.

Кейт заметила, что у него под кожей перекачиваются желваки. Она всегда считала его интересным мужчиной, который, несмотря на свои шестьдесят с небольшим, держал себя в хорошей форме. Его невысокая, коренастая фигура выигрывала от прекрасной осанки. Правильное голубоглазое лицо обрамляла грива седых волос. Слегка портила его лишь толстая бычья шея. Так или иначе, вид у него был весьма импозантный и респектабельный. Харлен отличался проницательностью, честолюбием и предупредительностью. Но последнее качество в тот день ему изменило.

– Я жду ответа.

Кейт покорибил его высокомерный тон.

– Я же сразу сказала, что не стану хлопотать за вас.

– Но я достаточно ясно дал вам понять, почему вы обязаны это сделать.

Кейт пожала плечами:

– Вы не имеете права мне приказывать, Харлен.

– Черт бы вас побрал, Кейт, вы заняли это кресло только благодаря мне!

Кейт говорила, не повышая голоса, хотя с трудом удерживалась, чтобы не попросить его убраться из кабинета. У нее задрожали руки, и она сцепила их на коленях, чтобы этот человек не подумал, что она его испугалась. Однако она не могла позволить себе сжечь все мосты. Нужно было объяснить ему, каких принципов она придерживается в работе, каковы неписанные этические нормы юстиции.

Кейт откинулась на спинку стула, не сводя глаз с Харлена.

– Это не совсем так, – ответила она со спокойной уверенностью. – Хотя должна признать, ваше влияние сыграло определенную роль. Не скрываю, я благодарна вам за все, что вы сделали. – После небольшой, точно выверенной паузы она продолжила: – Но правда и то, что я никогда не просила о поддержке: вы действовали по собственной инициативе. Я ни разу не дала вам понять, что готова идти на компромиссы ради вас или кого-либо другого.

Харлен сжал кулаки.

– Мне позарез нужно было выиграть дело о земельных участках, и вам, черт возьми, ничего не стоило в этом посодействовать.

Кейт встала.

– Вы, очевидно, не вполне хорошо расслышали, что...

– Будьте уверены, я вполне хорошо расслышал, – издевательски передразнил он. – Хотите быть святее папы римского? По вашей милости я оказался в дураках.

Кейт заметила раздувшиеся вены на толстой, красной шее Харлена. Ей еще не доводилось видеть его в таком состоянии. Она даже слегка оробела, но когда вновь заговорила, голос ее звучал холодно:

– Мне очень неприятно, что у вас осталось такое ощущение.

Харлен стукнул кулаком по столу.

– Неприятно?! Это теперь так называется?

Вся эта сцена вдруг показалась Кейт такой нелепой, что она с трудом удержалась от смеха.

– Вам не кажется, что вы слегка перегибаете палку? В конце концов, кто из нас проявил свою несостоятельность перед землеустроительной комиссией штата: вы или я?

– Я вам не прощу, что вы отвернулись от меня в трудную минуту, – выкрикнул Харлен. – В наших кругах друзьям принято помогать. Тем более что вы у меня в долгу.

– Но это не значит, что я должна идти против собственных принципов.

– Ах так! – Харлен как ужаленный выскочил из кабинета, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Кейт до сих пор помнила, как у нее задрожали колени и пересохло во рту. С той поры минуло два месяца. Она несколько раз встречала Харлена, но он больше не заговаривал о том случае. И все-таки Кейт знала: у нее появился враг.

Открыв дверь своего кабинета, Кейт тут же почувствовала запах свежего кофе. Она мысленно благословила секретаря суда, Лесли Стрингер, налила себе чашку ароматного напитка из горячего кофейника и сразу сняла жакет. Стояла только середина июня, но жара уже сделалась нестерпимой.

Кейт обвела взглядом знакомые стены. Что ж, очень прилично для судейского кабинета, подумалось ей, но здесь была изрядная доля ее усилий.

Когда она впервые вошла в это помещение, доставшееся ей от предшественника, ее неприятно поразила унылая, безликая обстановка. Кейт не захотела с этим мириться и, засучив рукава, принялась за дело. В результате кабинет приобрел вполне достойный, пусть и не роскошный вид. Главный акцент был сделан на небольшое окно-фонарь, выходящее на оживленный перекресток. Кейт заказала темно-зеленые жалюзи нужного размера, развесила по стенам несколько изящных акварелей и приобрела вместительный книжный шкаф. Перед своим письменным столом она положила зеленый с серым ковер и поставила два стула с кожаными сиденьями.

Кейт перевела взгляд на стол. Толстая папка настоятельно требовала ее внимания. Однако прежде чем сесть на свое рабочее место, Кейт подошла к окну: на улице слышался какой-то грохот. Мимо здания ползла старая колымага, оставляя за собой густой шлейф выхлопных газов. Кейт покачала головой: вот чем приходится дышать в большом городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.